

Вольф Белов

Шпага и кнут

«Вольф Белов»

2010

Белов В. А.

Шпага и кнут / В. А. Белов — «Вольф Белов», 2010

Рука тверда, глаз верен, отлично владеешь шпагой и мушкетом, уверенно держишься в седле... Казалось бы, приключения и подвиги только и ждут. Одна беда – родилась девчонкой и вынуждена соблюдать приличия, подобающие даме благородного происхождения. Однако если очень постараться, всегда можно оказаться в водовороте событий, особенно, если в этом активно участвуют как друзья, так и недруги.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	27
Глава пятая	34
Глава шестая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вольф Белов

Шпага и кнут

Глава первая

Герцог Ламберанский досточтимый лорд Готран Линслод от рождения отличался спокойным нравом и уравновешенным рассудительным характером. Его светлость практически никогда не повышал голос на домочадцев и прислугу, ходили слухи, что даже на свет в свое время он появился молча. Наверное, во всем мире не нашлось бы ничего, что могло вывести герцога из равновесия. Ничего, кроме...

Когда однажды вечером лорд Готран ворвался в покои своей супруги, натуры весьма утонченной, предававшейся в этот поздний час наслаждению виршами канувших в прошлое поэтов, что остались запечатленными на пергаментных страницах объемной книги в толстом переплете из телячьей кожи, герцогиня Готран не узнала мужа. Столь взвинченным и раздраженным ей своего супруга видеть еще не доводилось. Впрочем, благородной леди не составило особого труда догадаться, что могло заставить герцога настолько утратить душевное равновесие. Первые же слова лорда Готрана подтвердили ее догадку:

– Где ваша дочь, ваша светлость?

– Которая из них, ваша светлость? – уточнила герцогиня, хотя прекрасно поняла, кого имеет в виду супруг, ибо две старшие дочери благополучно вышли замуж и давным-давно покинули отчий дом, в замке же, под родительским присмотром оставалась лишь младшая – юная леди Катарина Линслод.

– Хотя бы вы пожалейте мои нервы, ваша светлость! – потребовал герцог. – Вы же видите, я и так вне себя от гнева!

– Я вижу, – спокойно кивнула герцогиня, аккуратно закрыв книгу и отложив том в сторону. – Что случилось, ваша светлость?

– Пусть вам объяснит это ваша дочь, ваша светлость. Где эта негодная девчонка?!

Последние слова герцога явно свидетельствовали о том, что для его раздражения имеются весьма веские основания. В славном семействе правителей Ламберанского герцогства, ведущих свой род от самого сэра Астана, победителя драконов и истребителя вампиров, которого, к сожалению, к упоминаемому времени уже мало кто помнил, не принято было называть членов семьи иначе, как по титулу. Впервые с момента появления на свет младшей дочери герцог назвал ее девчонкой, да еще и негодной.

– Насколько мне известно, ваша светлость, сейчас у вашей дочери урок танцев, – заметила герцогиня. – Соответственно, она должна быть в бальном зале под присмотром своего наставника.

– А насколько известно мне, ваша дочь не посещает занятия уже третий день! – сердито опроверг герцог версию, высказанную супругой. – Ее наставник только что отказался от жалования и покинул замок. Замечу, это уже пятый учитель танцев только за этот год. Ваша дочь совершенно неуправляемый ребенок, ее поведение не соответствует приличиям, подобающим девице благородной крови. Черт возьми, да где же она?!

– Стыдитесь, ваша светлость, – укорила герцогиня супруга. – Держите себя в руках.

– А кто будет держать в руках вашу несносную дочь?! – возмутился лорд Готран, не в силах унять свой гнев. – Своими выходками она уже выжила из замка всех учителей, которых я выписывал для нее даже из заморских стран. Вот где она сейчас, скажите на милость?

– Спросите у гувернантки, это ее обязанность – следить за вашей дочерью.

– Не считайте меня таким глупцом, ваша светлость! – снова вспыхнул герцог. – Я поднял на ноги уже всех слуг, но никто не может найти вашу дочь. А почтенной даме Гинеоре совсем не по возрасту гоняться за ней.

– Скажите же, наконец, что такого натворила ваша дочь, что вы в таком гневе?

Лорд Готран не успел ответить. В покои герцогини шаркающей походкой вошел седой дворецкий в потертой ливрее, на которой давно уже выцвела и потускнела золотая вышивка, и в домашних тапочках. Он отвесил церемониальный поклон хозяевам замка и провозгласил, попытавшись придать своему дрожащему голосу торжественность, требуемую этикетом:

– Ваши светлости, герцог и герцогиня Готран, властители Ламберании, прибыла леди Катарина Линслод!

Из-за спины дворецкого выглянула светловолосая девушка лет семнадцати, одетая в костюм для верховой езды и со шпагой на боку, что делало ее больше похожей на мальчишку. На переносице и щеках девушки проступали веснушки, совершенно не подходящие девице благородного происхождения и которые мода и этикет требовали скрывать под слоем пудры и румян.

– Вы свободны, Эркуан, – отпустил герцог дворецкого. – А вы задержитесь, юная леди, – остановил он готовую улизнуть дочь.

Как только двустворчатые двери затворились за дворецким Эркуаном, герцог заложил руки за спину, опустил на девушку тяжелый взгляд с высоты своего внушительного роста и сурово осведомился:

– Ну-с, юная леди, хотите что-нибудь сказать?

Судя по всему, ни взгляд, ни суровый тон отца не произвел на леди Катарину должного впечатления. По-мальчишески беспечно пожав плечами, девушка сказала:

– Добрый вечер, родители. То есть, ваши светлости.

– И все? – продолжал герцог.

– А что еще? – спросила девушка, изобразив на лице ангельскую невинность.

– Для начала поведайте нам, где вы пропадали весь вечер? – потребовал отец. – Почему слуги не могли разыскать вас?

– Я каталась верхом, – ответила Катарина.

При этом она развела руками, всем своим видом демонстрируя, что о том, где и чем она занималась последние часы, можно понять и так по одежде.

– Допустим, – кивнул герцог. – А скажите-ка, юная леди, зачем благородной девице потребовалась шпага?

Катарина снова пожала плечами.

– Ну, мало ли?.. Разбойники там, драконы всякие, колдуны какие-нибудь, злые великаны...

– Следует понимать ваши слова так, что вы опять искали приключений, не подходящих девушке благородной крови. И, судя по дошедшим до меня слухам, вы их успешно нашли.

Его светлость нахмурился так, что густые черные брови волнами сошлись на переносице. Обернувшись к супруге, герцог произнес:

– Полюбуйтесь на вашу дочь, ваша светлость. Ей даже несколько не стыдно. Хоть бы из приличия смутилась.

– Да что я сделала-то? – пробурчала Катарина, насупившись.

– Вы у меня спрашиваете, юная леди?! – воскликнул герцог Готран, потеряв остатки терпения. – Это я хотел бы услышать от вас о ваших последних подвигах!

– О каких именно? – осторожно поинтересовалась девушка.

– Обо всех! – грозно потребовал герцог.

Катарина слегка замялась. Человек посторонний мог бы подумать, что девушка в смущении, однако и герцог, и герцогиня отлично знали свою дочь и понимали, что заминка вызвана

раздумьями, что именно уже известно отцу и как бы выдать признание так, чтобы не выглядеть слишком уж виноватой. Видя, что герцог опять готов взорваться гневом, супруга решила вмешаться в разговор:

– Дочь наша, не заставляйте ждать своего отца. Что вы натворили на этот раз? Почему ваш учитель танцев покинул замок?

Услышав последний вопрос матери, Катарина заметно приободрилась. Видимо, она знала за собой гораздо более серьезные проступки, нежели происшествие с наставником танцев, музицирования и хороших манер.

– Он сказал, что ему в замке неуютно и он хочет уехать, – сообщила девушка с самым невинным видом.

– С чего бы это? – герцог изобразил нарочитое удивление в тон поведению дочери. – Помнится, в первый день своего приезда он был совсем иного мнения.

– Ну, мало ли... – Катарина в свою очередь изобразила такое искреннее недоумение и ангельскую невинность, что мать едва сдержала улыбку. – Эти танцоры так переменчивы. Может, его какая-то муха укусила...

– И я даже догадываюсь, кто эта муха! – вскричал герцог, в отличие от супруги ничуть не поддавшись детскому очарованию и обаянию своего чада. – Прежнего своего учителя вы едва не довели до сердечного приступа тем, что подложили в его постель змею...

– Это был простой ужик, – вставила Катарина, явно полагая, что это может послужить оправданием. – Маленький и безвредный.

– Но он-то этого не знал! Если бы тот почтенный человек не облысел в свое время, то наверняка поседел бы в ту ночь. Тому, кто был до него, вы залили смолы в карманы камзола и приколотили его туфли гвоздями к полке. Так?

– Это получилось случайно, – неуклюже попыталась оправдаться Катарина.

– Вы сами-то себе верите, юная леди? Хотя бы научитесь лгать правдоподобно.

– Ваша светлость, к чему вы призываете вашу дочь?! – возмутилась герцогиня.

– Ну, да, – смутился герцог. – Что-то я не то сказал... Вот, юная леди, ваши выходки хоть кого собьют с толку. Расскажите вашей матери, какую пакость вы подстроили своему последнему наставнику на этот раз? Только учтите, я уже все знаю!

– Да я вообще тут ни при чем! – воскликнула Катарина с видом оскорбленной беспочвенными подозрениями добродетели. – Он сам своим париком влез под свечу. Вот и подгорел чуть-чуть...

– Может быть, я и поверил бы в случайность этого происшествия, если бы не все ваши предыдущие проказы...

Герцог вновь обратился к супруге, при этом указывая на девушку, пытавшуюся изобразить стыдливое смущение, что удавалось ей весьма неправдоподобно:

– Полюбуйтесь на вашу дочь, ваша светлость! Вот, какое воспитание у этой юной дамы! Да она просто разбойник с большой дороги! Я терпел ее выходки, когда она была малышом и подростком, но сейчас, когда ваша дочь на пороге совершеннолетия, невозможно спускать ей с рук все прегрешения! Как можно предложить в жены молодому человеку благородной крови такую... такую...

Герцог осекся, не желая выражаться бранными словами в присутствии супруги и юной дочери, но и не в силах найти подходящий ситуации более благозвучный эпитет. Так и не подобрав нужного слова, его светлость в сердцах махнул рукой.

– Вообще-то я замуж пока не собираюсь, – осторожно заметила Катарина.

– А уж это решать не вам, юная леди! – отрезал герцог. – И, коли уж мы заговорили о молодых людях, расскажите-ка нам о вашем конфликте с юным маркизом де Кенардом.

Леди Катарина закусила губу и совсем сникла, поняв, что отцу известно гораздо больше, нежели ей хотелось бы. Впрочем, такое происшествие трудно было бы удержать в тайне.

– Ну-с, и долго ли нам ждать, когда вы соизволите проявить откровенность? – поторопил герцог девушку.

– Так ничего особенного и не случилось, – промямила Катарина, пожав плечами. – Мы просто поспорили, кто первым переплывет речку туда и обратно.

– И?..

– И я выиграла...

– И?..

– И все.

– Придется, видимо, мне восполнить пробелы в вашем повествовании и поведать вашей матушке о некоторых подробностях. Или, быть может, вы все же сами?..

Катарина отвела взгляд, в очередной раз пожала плечами, шмыгнула носом и шаркнула носком сапога по мраморной мозаике пола, явно не собираясь ничего добавлять к своему рассказу. Все-таки еще оставалась надежда, хоть и весьма зыбкая, что вездесущие доброжелатели сообщили отцу не все, что произошло на берегу той злосчастной речки возле мельницы.

– Так знайте, ваша светлость, что учинила ваша непутевая дочь не далее, как сегодня днем, – загремел гневным гласом лорд Готран, обращаясь к супруге. – Не знаю, как ей удалось подбить на такой поступок юного маркиза, однако они действительно состязались в плавании, причем в совершенно непотребном виде...

– То есть? – насторожилась герцогиня.

– Вы совершенно правильно поняли, ваша светлость.

– Дочь моя, да как же вы могли?! – ахнула мать.

– А что, мы должны были в одежде плавать? – насупилась Катарина.

– Да как же можно? Молодая девушка, наедине с мужчиной и без одежды...

– Если бы наедине! – в гневе вскричал герцог. – За этим непотребством наблюдали мельник и несколько крестьян. Но и это еще не все. Ваша дочь действительно выиграла состязание, после чего собрала одежду юного маркиза и удалилась, оставив несчастного в реке беспомощного и раздетого. Кстати, и эта шпага является фамильной собственностью маркиза.

– Так мы ведь на это и спорили, – вставила Катарина. – Кто проиграет, остается голым.

– Какой конфуз! – ахнула герцогиня.

– Конфуз?! – вновь вскричал герцог. – Да это позор! Вы что, юная леди, задались целью поссорить меня со всеми соседями и вассалами?!

– Это-то здесь при чем? – пробурчала Катарина.

– А чего же еще ожидать от дворянина, чьего наследника вы оставили даже без исподнего на виду у простолюдинов? А ведь именно этот молодой человек должен был стать вашим супругом, с его отцом уже все было обговорено. Теперь же о свадьбе не может быть и речи, после того, как вы опозорили юного маркиза, да и сами показали себя совсем не с лучшей стороны. Какой срам – дочь герцога на виду у крестьян в чем мать родила! Отвечайте немедленно, как вам удалось подбить маркиза на такое непотребство?!

– Сам виноват, – буркнула Катарина.

– Дочь моя, не гневите меня! – пригрозил герцог. – Отвечайте немедленно!

– Мы случайно встретились, – принялась объяснять девушка. – Он сказал, что я стану его женой, а меня спрашивать никто не станет. А я сказала, что никогда не выйду за такого сопливого хлюпика. А он сказал, что я сама хлюпик. А я сказала...

– Понятно! – герцог махнул рукой, прервав объяснения дочери. – Вы кого угодно можете вывести из себя.

Повернувшись к супруге, он развел руками и язвительно произнес:

– Радуйтесь, ваша светлость! Вам так не хотелось отпускать дочь от себя, теперь же она навсегда останется в девицах.

– В конце концов, девочке, наверное, и в самом деле еще слишком рано думать о замужестве, – попробовала герцогиня заступиться за дочь.

– Да нет! Теперь уже слишком поздно! Она ославила нас на всю округу. Кто поведет под венец девушку, которая откровенно оголяется на людях как продажная девка?!

– Не перегибайте палку, ваша светлость! – возмутилась герцогиня. – Все-таки вы говорите о нашей дочери, а я не сомневаюсь в целомудренности девочки.

– Довольны?! – вскричал герцог обращаясь к дочери. – Сначала поссорили меня с соседями, теперь же и ваша мать против меня!

Катарина сочла благоразумным промолчать, дабы не распалять отца еще больше. Однако следующие слова сурового родителя показали, что проявлять благоразумие уже слишком поздно:

– В общем так, юная леди. Мне надоели ваши выходки. Клянусь честью, я терпел слишком долго. Я не могу допустить, чтобы вы и далее безнаказанно порочили честное имя благородной династии Линслод. Здесь вы уже ославились на всю округу, так что отправитесь туда, где о ваших подвигах еще никто не слышал, а именно – ко двору короля Фернара Тринадцатого. Спруга короля, ее величество Дриона Великолепная организовала при дворе пансион, где вот из таких бестолковых девчонок воспитывают истинных леди, которых потом не стыдно предложить в жены благородным дворянам. Постарайтесь понравиться их величествам настолько, чтобы они зачислили вас в свой королевский пансион. Если в вас еще осталась хоть капля уважения к собственной семье, вы исполните мою волю!

– И долго мне придется париться в этом пансионе? – обескуражено спросила Катарина.

– Пока из вашей очаровательной головки не выветрятся все глупости, – отрезал отец. – Быть может, для вас еще не все потеряно, юная леди, и вы даже найдете при дворе удачную партию. Кстати, мы слышали, что его величество как раз подбирает невесту для своего наследника.

– Так я что, еще должна успеть и принца на себе женить? – еще больше опешила Катарина.

– Было бы совсем неплохо! – подтвердил герцог. – Вы расстроили все брачные договоренности, заключенные мною, теперь же вам придется постараться лично. Предприимчивости вам не занимать, так обратите же вашу прыть во благо семьи. Если же вы откажетесь, я отрекусь от вас и лишу какого бы то ни было наследства! Желаете возразить?

Катарина взглянула на мать. Герцогиню явно не воодушевило неожиданное решение супруга, однако она ни слова не произнесла в защиту дочери. Тяжело вздохнув, девушка, понуро опустила голову. Возразить она желала, и даже очень, но, пожалуй, сейчас спорить с отцом не стоило. Кто знает, может быть, за ночь благородный лорд успокоится, остынет и передумает. Пока лучше промолчать.

– Выезжаете на рассвете! – прозвучал приговором приказ герцога.

Глава вторая

Карета остановилась, скрипнув расшатанными рессорами. На протяжении всего пути Катарина всерьез опасалась, что фамильный экипаж правителей Ламберании попросту развалится в дороге. В последний раз эта карета использовалась по назначению, наверное, еще в те времена, когда привезла в своем чреве в замок отца юную леди Лиситу, мать Катарины. Если отец и покидал когда-либо замок, объезжая свои владения, то делал это исключительно верхом, что же касается леди Готран, она несколько не была охоча до балов и прочих светских развлечений, так что не совершала никаких выездов.

Легкий ветерок качнул занавеску на окне экипажа, обдав сидящих внутри Катарину и ее гувернантку Гинеору – чопорную пожилую даму, приставленную к девушке для надзора, – смесью деревенских запахов, в которой слишком уж явно преобладал аромат прелого навоза. Если Катарина, почти все время проводившая в конюшне отцовского замка, отнеслась к этому достаточно терпимо, то Гинеора поспешила приложить к носу надушенный платочек.

Катарина потянулась было к дверце экипажа, собираясь выйти наружу, однако гувернантка остановила ее.

– Дитя мое, дождитесь, пока кучер откроет дверцу, – строго потребовала дама. – Девушке благородной крови не подобает делать это самой.

– А что, у девушки благородной крови руки отвалятся? – проворчала Катарина, недовольно поморщившись.

Общество престарелой дамы начинало ее тяготить. Мало того, что, вопреки всем надеждам, отец не остыл за ночь и не изменил своего решения, вследствие чего с утра пораньше пришлось влезать в неудобный корсет и в еще более неудобное платье, а потом несколько дней трястись по ухабам в карете и ночевать в неудобных трактирах, так еще и приходилось на протяжении всего пути выслушивать нудные нотации. Больше всего бесило то, что никуда не денешься. Если дома еще можно было улизнуть из-под присмотра учителей и прислуги, то сейчас оставалось только проявлять чудеса терпения. Во-первых, в таком длинном широком платье далеко не уйдешь, на коня не залезешь и в толпе не затеряешься, а во-вторых, несмотря на своенравный характер, все-таки воля отца значила для девушки очень много. Сколь ни отвратны были мысли о пансионе, возможном браке с каким-то неизвестным принцем или любым другим дворянчиком, как и о замужестве вообще, все же пришлось дать слово благородному лорду Готрану, что его требование будет выполнено. А давши слово, приходилось следовать своему обещанию. В конце концов, еще много чего может случиться такого, что способно расстроить эту дурацкую затею и можно будет с чистой совестью вернуться в родную Ламберанию. А пока можно и потерпеть.

Казалось, прошла целая вечность, пока кучер Оланц, такой же старый, как и доверенная его заботам карета, сполз с козел и доковылял до дверцы. Когда дверца со скрипом отворилась, запахи, витавшие снаружи, явили себя более отчетливо. Пожалуй, даже на конюшне отца никогда не было такой вони. Гинеора вновь зажала нос платочком.

Катарина первой покинула карету. Оланц предупредительно подал руку девушке, хотя по преклонности лет поддержка скорее требовалась ему самому. Следом наружу выбралась дама Гинеора.

– Ну и что это за дыра? – осведомилась Катарина, оглядевшись по сторонам.

– Городок называется Тимпол, ваша милость, – сообщил кучер.

– Городок? – недоуменно переспросила Катарина. – Это же деревня.

То, что явилось ее взгляду, действительно представляло собою самую обычную деревеньку, точно такую же, какие она видела в окрестностях родного замка, совершая верховые поездки. Вдоль дороги стояли приземистые домики под соломенными крышами, огороженные

покосившимися заборчиками, по дороге важно шествовали несколько гусей, в придорожной канаве, залитой бурой водой, блаженно похрюкивала свинья, где-то мычала корова.

– А это, должно быть, местная гостиница? – насмешливо спросила Катарина, указав на просторное строение, рядом с которым остановилась карета, отличавшееся от всех прочих домов лишь своими размерами и вывеской над входом.

Уделяя слишком мало времени и еще менее усердия наукам, которым пытались обучить ее специально приглашенные отцом наставники, девушка оказалась почти не в состоянии разобрать, что написано на вывеске, но примерно догадывалась, тем более, что за время поездки уже успела ознакомиться с подобными заведениями. Следующие слова Оланца подтвердили ее догадку:

– Это трактир, ваша светлость. Здесь вы вполне сносно сможете переночевать.

– Ну да, – скептически отозвалась Катарина.

Она бросила взгляд на Гинеору. Похоже, почтенная дама едва не теряла сознание от витающих в воздухе запахов.

– Ну, что, пойдем в этот клоповник, – произнесла Катарина и первой направилась к входу.

– Дитя мое! – почти негодуя окликнула дама Гинеора свою подопечную. – Ваше платье!

– Ах, черт! – чертыхнулась девушка, вспомнив о непривычной для себя необходимости поддерживать подол платья.

Наряд, который мог бы быть уместным в дворцовых залах, здесь явно не вписывался в окружающую обстановку и подол платья, проволочившись по земле, грозил основательно подмести собою дорожку и собрать ошметки навоза, солому, пыль. В отличие от гувернантки, поддерживающей свое платье элегантно, двумя пальчиками, Катарина скомкала подол в ладонях, задрав его чуть не выше колен, чем привела Гинеору просто в ужас. Тем не менее, дама решила отложить на время воспитательный процесс, тем более, с что в настоящий момент ее слишком мутило от дальней утомительной дороги, тряски в старой карете и деревенских ароматов.

Не успела Катарина переступить порог трактира, как дорогу тут же заступила молоденькая стройная цыганка в цветастой юбке. Ее жгучие черные волосы стягивала алая косынка, а на груди позвякивала куча всяких металлических побрякушек, собранных в мониеты.

– Позолоти ручку, благородная госпожа, всю правду тебе открою, что было, что есть, что будет, что на сердце лежит, что впереди ждет, погадаю по руке, по костям, по звездам, по картам, не пожалеешь...

– А не пошла бы ты?! – раздраженно огрызнулась Катарина. – Я и без тебя знаю, все, что было и что будет.

Услышав такие слова от своей подопечной, Гинеора поморщилась, однако промолчала. Она и сама ничуть не обрадовалась, столкнувшись с юной цыганкой, и предпочла бы, чтобы та убралась подальше, пусть даже и ценой вульгарной грубости, совсем не подобающей благородной даме.

– Ай, зачем так говоришь, молодая-красивая?! – не унималась цыганка. – По глазам вижу печаль твою, не пожалей монетку, расскажу, что ждет тебя...

– Твое счастье, что я в этом дурацком платье! – в сердцах воскликнула Катарина. – А то сейчас такого пинка схлопотала бы!..

Угроза гадалку оскорбила. Уперев руки в бока, она с вызовом спросила:

– Эй, конопатая, а не боишься сама получить? Космы-то белобрысы мигом повыдираю!

Видимо, наметанным глазом она быстро определила, что благородную девчонку сопровождают лишь престарелая дама да еще более престарелый лакей, а стало быть, можно не опасаться получить по шее. Уж с этой-то неженкой она как-нибудь справится. Однако вопреки ожиданиям юной цыганки Катарину ничуть не смутил вызов, лишь раззадорил.

– А я и выдирать из тебя ничего не буду, просто нос сломаю! – пригрозила она, сжав кулаки.

Две девушки приблизились друг к другу вплотную, каждая сверлила противницу взглядом. Зная горячий нрав юной дочери герцога, Гинеора ничуть не сомневалась, что Катарина пустит в ход кулаки, а этого почтенная дама допустить никак не могла. Дочь благородного лорда в деревенском трактире дерется с какой-то цыганкой, словно уличная бродяжка... Да если герцог узнает... О последствиях даже страшно было подумать. Поэтому, подхватив подол своего платья и призвав на помощь всю имеющуюся в наличии отвагу, дама Гинеора поспешила разнять готовых сцепиться неразумных девчонок.

– Ваша милость, одумайтесь! – призвала она Катарину к благоразумию. – Завтра вы предстанете перед королем Фернаром. А вдруг до него дойдут слухи о том, что благородная девушка вступила в потасовку с какой-то бродяжкой? Будет скандал!

Однако юная дворянка распалилась не на шутку.

– Да мне плевать, – процедила она сквозь зубы, по-прежнему буравя противницу взглядом. – Плевать я хотела и на ихнего кривоногого королька, и на его малохольного прыщавого сынка, который даже не в состоянии сам найти себе невесту...

Такая дерзость, похоже, удивила даже цыганку. Что касается Гинеоры, то почтенная дама едва не лишилась чувств от изумления и страха. Королевство его величества Фернара Тринадцатого хоть и занимало на карте весьма скромное место, но все-таки являлось королевством и сейчас они находились в его владениях, чуть ли не в двух шагах от столицы. Опасливо оглянувшись по сторонам, не слышал ли кто еще это святотатство, Гинеора прибегла к более весомому для Катарины аргументу:

– А что скажет ваш отец?

Как она и ожидала, такой довод оказался для девушки более убедительным. Смерив цыганку презрительным взглядом, она пробурчала:

– Считай, что сегодня тебе крупно повезло.

– Ой-ой-ой, – подразнила ее гадалка, кривляясь. – Боюсь-боюсь. Меня чуть не побила расфуфыренная кукла.

Катарина скрипнула зубами от злости и демонстративно развернулась, всем своим видом выражая крайнюю степень презрения к цыганке. Та обидно рассмеялась ей в спину.

Поймав взглядом ухмыляющегося трактирщика, Катарина раздраженно крикнула:

– Чего уставился?! Комнаты нам! Живо!

– Выбирайте любые, – отозвался трактирщик, не переставая ухмыляться. – Их всего две.

– Дай ключи! – потребовала юная гостья.

Глаза трактирщика заметно округлились, будто он впервые в жизни услышал само это слово.

– Какие ключи? – удивился он. – У нас не принято запирать двери. Здесь воров нет.

Катарина бросила многозначительный взгляд в сторону цыганки и нарочито громко уточнила:

– Ты в этом уверен?

Цыганка фыркнула, круто развернулась, взмахнув шелком черных блестящих волос и подолом широкой юбки, и вышла на улицу.

– Пока никто не жаловался, – ответил трактирщик.

– Ну да, кому тут жаловаться, – проворчала Катарина. – Похоже, мы первые постояльцы в твоей дыре.

Трактирщик предпочел не вступать в словесную перепалку с юной скандальной особой и скрылся в кухне, предоставив приезжим обживаться самостоятельно.

Более отвратительной ночи Катарина не могла себе представить. На ужин подали какую-то подозрительную похлебку, довольно мерзкую на вид и не соблазняющую запахом, краюху

черствого хлеба, плохо пропеченную утиную ножку и кислое яблочное вино. Если бы не голод, Катарина не притронулась бы к еде, как, впрочем, поступила Гинеора. Уже позже, ворочаясь на пропахшем клопами тюфяке, Катарина думала, что уж лучше бы легла спать голодной – в животе что-то бурлило и неприятно перекачивалось. Да и сама комната, где они расположились с Гинеорой, повергала в уныние. Глинобитные стены порядком закоптились, по всем углам расставили сети пауки, а с потолка то и дело срывались вниз крупные тараканы, безуспешно пытавшиеся кому-то доказать, что могут ползать вверх ногами ничуть не хуже мух, которые, кстати, тоже во множестве кружили под потолком. Кроме того, над ухом всю ночь звенели комары, явно выискивая удобное местечко на молодом аппетитном теле, куда бы всадить свой хоботок и обескровить это самое тело. С детства испытывавшая стойкую неприязнь ко всякого рода ползающим и летающим многоногим тварям Катарина с головой накрылась одеялом, надеясь хоть как-то защититься от всей этой мерзости.

В довершение всех бед посреди ночи вдруг раздался чудовищный храп. Катарина несказанно удивилась, обнаружив, что источником столь богатырских звуков является ее престарелая спутница. Вот уж никогда бы девушка не подумала, что такая хлипкая на вид старушенция может так сотрясать воздух. Даму Гинеору, похоже, ничуть не смущали насекомые, которых, как казалось Катарине, вокруг просто кишмя кишело. Лежа на спине, раскинув худенькие ручонки и широко раскрыв рот, престарелая гувернантка заглушала своим мощным храпом все остальные звуки. Это побудило девушку еще плотнее завернуться в одеяло и заткнуть уши. Пару раз храп Гинеоры прерывался и слышалось какое-то причмокивание. В такие моменты Катарине представлялось, что либо один из упрямых тараканов, штурмующих потолок, сорвался вниз и угодил прямо в распахнутый зев дамы Гинеоры, где и окончил свои дни, либо какая-нибудь муха в темноте с разгону залетала туда же и с теми же последствиями. И то, и другое было так отвратительно, что девушка вся передергивалась, словно ее била судорога.

Утром Катарина поднялась уставшая, невыспавшаяся и злая на весь белый свет, а кроме того, в двух местах укушенная клопами. Ее великовозрастная спутница, напротив, выглядела гораздо бодрее, чем накануне, хоть и пожаловалась, что всю ночь не могла сомкнуть глаз в таком жутком месте, совсем не подобающем даме. Выслушивая ее причитания, девушка лишь скрипела зубами от злости.

Едва она затянула себя в корсет и влезла в тесное платье, предварительно проверив, не успел ли там за ночь поселиться кто-либо из ползающих обитателей трактира, раздался стук в дверь.

– Кто там?! – раздраженно спросила Катарина.

– Это я, леди Линслод! – послышался голос Оланца. – Случилось несчастье?

– Какое? Если сдох трактирщик, то я спляшу на его могиле!

Гинеора поспешила сделать замечание своей подопечной:

– Ваша милость, благородной леди не подобает так выражаться.

Катарину так и подмывало спросить в ответ, а подобает ли благовоспитанной даме всю ночь напролет храпеть, как пьяный извозчик, и пережевывать во сне тараканов, но девушка сдержалась. В конце концов, Гинеору можно было и пожалеть. Если ей, молодой сильной девушке, так тяжело дается эта поездка, каково же старушке, привыкшей к спокойной размеренной жизни в замке герцога Готрана? Наверняка отец навязал ей в спутники двух стариков, чтобы умерить прыть дочери, привить ей хоть какое-то терпение и хотя бы подобие благородных манер. Только вот пока что-то плохо получалось.

Между тем Оланц, по-прежнему оставаясь за дверями, сообщил:

– Нас обокрали, ваша милость!

– Что?!

Катарина столь стремительно выскочила за дверь, что этой самой дверью едва не лишила старого кучера сознания и остатков здоровья, растраченного на служение благополучию герцога и герцогини Готран. Оланц едва успел отскочить в сторону, что в его годы казалось просто верхом ловкости и виртуозности.

– Что у нас украли? – резко спросила юная леди.

Кучер развел руками.

– Все.

– Что значит, все?

– Неизвестные украли карету, а там было все, даже ваши наряды. Простите, ваша милость, но сундук такой тяжелый, я думал...

– А деньги?

– Деньги при мне, но...

Катарина махнула рукой и, не дослушав, выбежала в обеденный зал. Как и накануне вечером здесь было абсолютно пусто, лишь трактирщик вытирал грязной тряпкой длинный стол, на который тут же снова садились жирные мухи.

– Ах ты гад! – разъяренно воскликнула Катарина, напрочь забыв обо всех приличиях, подобающих даме благородной крови. – Не ты ли уверял вчера, что здесь нет воров? Где моя карета?

– А я почему знаю? – отозвался трактирщик, безразлично пожав плечами. – Место проходное, шляются тут всякие... Может, та цыганка постаралась, что-то ее сегодня не видно.

– Какой же ты мерзавец! Жалко руки об тебя марать, грязная свинья, а то...

Неожиданно Катарина осеклась и задумалась. А ведь все складывается совсем не так уж и плохо. Их ограбили, она ни в чем не виновата и может с чистой совестью вернуться домой. Ну не пешком же ей идти во дворец к королю Фернару и представлять перед его троном в пропыленном оборванном платье, пропахшем деревенскими ароматами. С таким доводом отец не сможет не согласиться. А когда узнает, сколько пришлось вытерпеть его дочурке, исполняя волю родителя, наверняка смягчится и простит все былые грехи.

Хотя, самолюбие слишком уязвлено, чтобы вот так просто сдаться и повернуть назад. Ну да, конечно, это наверняка та самая цыганка, они же все воры и конокрады. Что ни говори, повод не чахнуть в пансионе среди разряженных напудренных дурех и не связывать себя узами брака с каким-то неизвестным парнем, а вернуться домой к привычной беззаботной жизни, очень подходящий. Но, с другой стороны, стерпеть такое от какой-то девчонки ей, поколотившей в родной Ламберании с тех пор, как научилась ходить, столько мальчишек... Это как-то даже унижительно. Что скажет отец? Что только дома и может хорохориться, а чуть что, сразу расплакалась и под родительское крылышко, под матушкину юбку? Ну уж нет! Она доберется до дворца короля Фернара и докажет лорду Готрану, что сделала все, от нее зависящее, чтобы исполнить волю отца. А уж там как-нибудь сумеет устроить все так, чтобы ее пребывание в королевском пансионе сделалось нежелательным, а то и невозможным как можно скорее. Всякое же может случиться, вдруг пожар или наводнение – уж что-то, а организовать стихийное бедствие она сумеет. Да и не факт, что вообще в этот пансион зачислят – портить отношения с людьми ее тоже учить не надо. Вот тогда уже можно будет возвращаться домой действительно с чистой совестью. Ну, почти чистой. Его светлость не сможет упрекнуть свое чадо, что она отказалась исполнить волю родителя. Она честно пыталась... Ну-у, как бы честно, но об этом будет знать только сама Катарина, для отца же – просто не смогла, а насчет этого уже никакого уговора не было.

– Оланц! – окликнула Катарина своего старого кучера. – Отсчитай половину монет! Возвращайтесь в замок отца, дальше я отправлюсь одна.

Взглянув на ухмыляющегося трактирщика, девушка добавила:

– Но скоро вернусь с отрядом королевской стражи и тогда тебя высекут на площади.

Глава третья

Большой позор трудно было себе представить. Да что там трудно, просто невозможно. Если бы Катарина наперед знала, что предстоит терпеть подобное унижение, лучше бы вернулась в отцовский замок вместе с Гинеорой и Оланцем.

Половины монет из той весьма скромной суммы, что выделил на дорогу герцог Готран, хватило ровно на столько, чтобы купить в деревне ослика. Даже если бы у кого-то из крестьян нашлась в хозяйстве хоть захудалая лошаденка, денег для покупки все равно было бы недостаточно. Однако молоденький, хотя уже и порядком облезлый ослик оказался единственной скотиной, мало-мальски пригодной для верховой езды, кроме него крестьяне могли предложить лишь свинью. Пришлось Катарине смирить гордыню и взобраться верхом на то, что дают. Ну в самом деле, не на хряке же въезжать во дворец короля.

Однако и верхом на ослике девушка выглядела довольно нелепо, о чем красноречиво свидетельствовали открытые насмешки горожан, обидные выкрики и улюлюканье мальчишек. Вцепившись в короткую гриву своего низкорослого скакуна, Катарина скрипела зубами от злости и заливалась краской так, что пылали уши.

Даже стражники у дворцовых ворот, увидев столь нелепое зрелище, откровенно расхохотались над незадачливой наездницей. Катарине стоило немалых усилий убедить их известить о своем приезде кого следует – слишком уж не похожа была девушка с растрепанной прической в обтрепанном пропыленном платье, да еще сидевшая на спине облезлого осла на благородную дочь ламберанского герцога. Юной дворянке пришлось битых полчаса увещевать непреклонных стражников, умолять, кричать, топать ногами. В конце концов, стражники сдались, скорее устав от назойливой скандалистки, чем уступив ее мольбам, и перед Катариной предстал надменный дворецкий в расшитой золотом ливрее.

Смерив приезжую недоуменным взглядом, дворецкий деликатно осведомился:

– Кто вы, девушка?

Катарина скрипнула зубами. Сколько раз ей еще придется объяснять тупоголовой дворцовой прислуге, кто она есть такая?

– Леди Катарина Линслод, дочь лорда Готрана, герцога Ламберанского, – в очередной раз назвалась она. – Прибыла ко двору короля Фернара Тринадцатого, чтобы быть представленной для зачисления в пансион.

– Охотно готов вам верить, юная леди, но вы же понимаете, заявления подобного рода требуют документального подтверждения, – произнес дворецкий.

Хотя внешне он оставался невозмутим, в глазах его столь отчетливо читалась насмешка, а в голосе так явно слышалась ирония, что юная дочь лорда Готрана весьма охотно расплющила бы эту физиономию, не пожалев последних сил, и не убоившись стать зачинщицей банального скандала. Тем не менее, Катарина уладила свою клокочущую и готовую вырваться наружу злость, хоть и с немалым трудом, и достала из-за выреза платья верительную грамоту. При этом ее действия выражение лица дворецкого не изменилось, однако зрачки заметно расширились. Похоже, ему не часто доводилось видеть, как благородная дама, на которую, впрочем, Катарина в данный момент не очень-то была похожа, по крайней мере, внешне, так откровенно шарит под платьем в святая святых, и только многолетняя выучка не позволяла дворецкому проявлять собственные эмоции.

Катарина протянула дворецкому свиток, запечатанный воском и скрепленный гербовой печатью отца. На ее счастье старой Гинеоре хватило ума не хранить грамоту с остальными вещами и сберечь ценный документ. Пожалуй, без этого свитка доказать свою принадлежность к славному роду герцогов Ламберанских было бы невозможно.

Дворецкий, следовало отдать ему должное, отлично разбирался в геральдике и сразу узнал герб герцога Готрана. В очередной раз окинув девушку взглядом, он поинтересовался:

– Но что же с вами случилось, благородная леди?

– На меня напали и ограбили, – просто ответила Катарина, решив не вдаваться в подробности. – Разве это не заметно?

– Какое несчастье, – покачал головой дворецкий, при этом его голос не выражал ни тени сочувствия. – Похоже, на дорогах королевства стало беспокойно. Незадолго до вас прибыла баронесса Лионелла, она также подверглась нападению каких-то разбойников. Негодяи даже оторвали дверцы ее кареты, чтобы содрать позолоту.

Менее всего Катарина была расположена слушать сейчас о невзгодах какой-то баронессы, поэтому прервала сетования дворецкого:

– Меня, наконец, впустят внутрь? Я устала, хочу отмыться, выспаться и сменить эти тряпки. Надеюсь, в дворцовом гардеробе найдется подходящее платье, которое мне одолжат на время?

– Несомненно, – заверил девушку дворецкий. – Соболаговолите следовать за мной, ваша милость.

Катарина облегченно вздохнула, уже представляя себе, как расслабится в горячей воде, понежится на пуховой перине без соседства мерзких насекомых, как вдруг улучшившееся было настроение внезапно омрачил насмешливый оклик одного из стражников:

– А что делать с вашим жеребцом, леди?!

– Да ну его к... – зло отмахнулась Катарина.

Она едва сдержалась, чтобы не уточнить, куда именно следует отправиться ослику и куда следом за ним неплохо было бы также отправиться самим наглым стражникам. С ума сойти, какие-то заурядные сторожа совсем не уважают наследницу правителя Ламберании. Да, герцогство, конечно, уже совсем не то, что во времена славных предков лорда Готрана, но все-таки герцогство.

– Пусть топает в свою деревню, – добавила девушка и поспешила вслед за дворецким.

Наконец-то наступили сладостные минуты блаженства. Сначала девушка как следует отмокла в огромной деревянной кадке, куда служанки то и дело подливали горячей воды, затем мочалкой с мылом соскребла с себя всю дорожную пыль и грязь, потом снова нежилась в горячей воде. Если бы не хотелось так сильно спать, вообще бы не вылезала из кадки.

Выделенные ей для отдыха покои превосходили даже ее собственную спальню в отцовском замке, не говоря уж о той конуре, где пришлось провести предыдущую ночь в обществе клопов, тараканов и громогласной дамы Гинеоры.

Лишь наряд оставлял желать лучшего. Нет, платье было вполне приличное, вот только Катарина предпочла бы более привычный камзол – ей уже и собственное тряпье порядком надоело. Однако не могла же она предстать перед самим королем в мужской одежде. Придется еще немного походить разряженной куклой и потерпеть тиски корсета, неприятно стискивающего талию до немыслимого объема согласно требованиям капризной моды и этикета. Самое неприятное то, что, опять же в угоду требованиям капризной моды, придется высыпать на себя кучу пудры, чтобы заглушить естественный румянец и казаться холодной и неприступной, как и подобает благородной даме. Хотя, может, ну ее, эту моду? Она ж здесь не для того, чтобы очаровывать каждого встречного, цели как раз противоположные – побыстрее вызвать к себе неприязнь, получить отказ в зачислении и спокойно вернуться домой. В платье влезет, так и быть, и корсет затянет, не так, конечно, чтоб уж очень, но зашнурруется, а вот свою веснушчатую физиономию оставит так, как есть, не для того столько времени дорожную грязь с себя соскабливала, чтобы снова всякой дрянью обсыпаться и мазаться. И волосы свои мучить не будет, не надо ей всяких завитушек и прочей ерунды, причешется и ладно.

Решение было принято и когда вечером девушку известили, что ее ждут на балу, который король Фернар дает в честь своего сына, Катарина появилась в тронном зале без излишеств как в макияже, так и в причёске.

– Леди Катарина Линслод Ламберанская! – объявил церемониймейстер, стукнув жезлом в пол.

Взгляды присутствующих дам, коих было немало, и кавалеров, которых также хватало, обратились к юной дочери ламберанского герцога. Под столь пристальным вниманием Катарина сразу смутилась, а смутившись, разозлилась, из-за чего разругалась еще больше. Впрочем, как раз естественный румянец и свободно распущенные по плечам золотистые волосы выгодно отличали Катарину от всех прочих дам в глазах присутствующих мужчин всех возрастов. А вот дамы смотрели на юную леди холодно и свысока. Заметив такую их реакцию, Катарина нахмурилась и принялась нервно покусывать нижнюю губу. Вот курицы, наверняка знают, как она прибыла в город, потому и косятся. Хорошо, что этикет не позволяет даме благородного сословия открыто выражать чувства, а то сейчас, наверное, все эти пухлые толстозадые кобылы и кобылки ржали бы над ней до посинения.

Нелестные мысли Катарина об обществе на королевском балу вспугнул торжественный глас церемониймейстера:

– Госпожа Лионелла Киатти!

Взгляды присутствующих обратились к молоденькой баронессе. Ее черные шелковые волосы так же, как и у Катарина, свободным потоком распускались по плечам, а лицо было скромно скрыто веером. Но вот веер сложился и Катарина вспыхнула от возмущения. Она хорошо запомнила это лицо: черные пронзительные глаза, брови вразлет, тонкий нос с горбинкой, тонкие губы... Самая отвратительная физиономия, какую только можно себе представить и уж точно нельзя забыть. В облике юной баронессы леди Катарина без труда узнала ту самую наглую девицу, которой не далее, как вчера, грозились сломать нос на постоялом дворе. Вот мерзавка, воровка, дрянь!.. Теперь понятно, почему какие-то разбойники якобы оторвали дверцы кареты баронессы Лионеллы. Ведь на дверцах экипажа, угнанного со двора трактира, красовались гербы Ламберанского герцогства.

Едва сдерживая гнев, скрипя зубами и краснея от злости так, что даже веснушки побелели, Катарина направилась прямо к самозванке. Девушка с трудом сдерживала шаг, стараясь идти чинно и медленно, как подобает истинной леди, и не привлекать к себе лишнего внимания раньше времени. По пути она прикидывала в уме: доставить себе удовольствие и лично врезать этой баронессе так, чтобы физиономия посинела, или все-таки позвать стражу и отдать цыганку-воровку в руки королевского правосудия?

Так называемая баронесса Лионелла тоже без труда узнала дочь герцога Готрана, которую накануне благополучно избавила от лишнего, как ей самой казалось, имущества. Если цыганке и не были чужды смущение и угрызения совести, то она очень умело их маскировала. Не поведя и бровью, Лионелла направилась навстречу Катарине.

Они сошлись в центре зала. Со стороны могло показаться, что двум юным скучающим девушкам просто захотелось поворковать о своем девичьем, на деле же обе были готовы наброситься друг на друга, словно разъяренные львицы.

– Так значит, ты не только гадалка, но еще и баронесса? – поинтересовалась Катарина сквозь сжатые зубы, склонив голову так, словно собиралась боднуть обидчицу.

– А я вообще многое умею! – с вызовом отозвалась Лионелла, глядя на Катарину свысока, словно заправская барыня на прислугу.

– Ага, особенно чужое добро присваивать, – кивнула Катарина. – Королевским стражникам наверняка будет интересно послушать о твоих проделках.

– Не беспокойся, белоручка, о тебе им тоже будет интересно услышать, – заверила ее цыганка.

Гнев Катарина сменился изумлением:

– О чем это ты, попрошайка?

– А ты уже забыла, что говорила о короле и принце? Я-то помню.

– Да кто тебе поверит? У тебя нет никаких доказательств!

– Будь уверена, я умею быть убедительной. Поверили же мне все, что я баронесса.

Катарина нахмурилась. Что верно, то верно, язык у цыганки подвешен как надо, метет, как помело. Кто знает, что может наплести эта чертовка? Как бы боком не вышло.

– Ну ты и дрянь, – процедила Катарина сквозь зубы.

– Не больше, чем ты, – отозвалась Лионелла. – Впредь не будешь задирать свой курносый нос.

Катарина скрипнула зубами. Несколько мгновений обе стояли молча, глядя друг на друга так, словно каждая пыталась испепелить другую взглядом. Наконец Лионелла произнесла:

– Предлагаю временное перемирие. Заключим сделку: ты молчишь обо мне, а я, так и быть, никому не скажу о тебе.

– Идет, – согласилась Катарина. – Но позже мы с тобой разберемся один на один.

– Согласна, – кивнула Лионелла. – Готовь примочки, белобрыся, они тебе понадобятся.

– Советую посмотреться в зеркало, пока есть, на что глядеть, – отозвалась Катарина. – Скоро улыбаться будешь скромнее – зубов поубавится.

Наверняка у обеих имелся достаточный запас угроз для длительной беседы в подобном духе, но их обмен любезностями был прерван поднявшимся в зале шумом, причиной которого послужило появление человека совсем неподобающего вида для проводимого торжества.

На центр зала выбежал нескладного телосложения мужчина с исцарапанным и перепачканным лицом, в одном сапоге и настолько излохматившихся панталонах и камзоле, что даже знающие люди смогли бы лишь с большим трудом распознать в его одежде мундир королевских гвардейцев.

– Беда! – завопил оборванец. – Несчастье!

При этих словах все вокруг заохали. Кто-то поинтересовался:

– Что случилось?

– Измена! – снова завопил ободранный гвардеец.

Он побежал дальше через зал, прихрамывая и оглашая своды дворца истошными воплями:

– Измена королевской семье! Нападение на королевский дом!

Шум в зале усилился. Услышав об измене, да еще и о нападении и восприняв слова гвардейца буквально, некоторые из дам взвизгнули, иные даже упали в обморок на руки своих кавалеров, как того требовали правила этикета в подобных ситуациях.

По залу пробежали несколько стражников с мушкетами и алебардами, издали послышались возбужденные крики.

– Кажется, действительно случилось что-то серьезное, – заметила Катарина. – Вряд ли это было так задумано для нашего развлечения.

– А ты догадлива, конопатая – язвительно отозвалась Лионелла.

– Прикуси язык, воровка, – огрызнулась Катарина.

Вот честное благородное слово, сейчас у нее и в мыслях не было затевать ссору, но не в меру наглая цыганка могла бы, наверное, и каменную статую вывести из себя.

– Свой побереги, – посоветовала в ответ Лионелла, откровенно нарываясь на грубость.

Продолжая перебранку, обе рисковали нарушить собственный уговор и сцепиться прямо здесь, на глазах у всех, но по залу разлетелся торжественный глас церемониймейстера:

– Дамы и господа! Их величества король Фернар Тринадцатый и королева Дриана Великолепная, правители нашего славного государства!

Дамы, упавшие в обморок, поспешили прийти в чувство, ибо пребывать в бессознательном состоянии в присутствии монарших особ опять же являлось грубым нарушением принятого этикета.

Однако, вопреки ожиданиям присутствующих, вместо монаршей четы в зале появился седобородый старик, облаченный в черное длинное одеяние, в остроносых башмаках, четырехугольной шапочке-конфедератке, с пенсне на крючковатом носу.

– А это что за старый пень? – хихикнула Катарина, не сдержавшись.

– Ну ты и бестолочь, – прошипела Лионелла. – Его даже дети знают. Это же Ангелиус, придворный звездочет-астролог.

– Пообзывайся еще, попрошайка... – огрызнулась Катарина.

– Дура конопатая, – не осталась в долгу Лионелла.

Отвесив поклон всем присутствующим, Ангелиус сообщил:

– Их величества просят прощения у благородного собрания, но обстоятельства вынуждают короля и королеву задержаться. Возможно, придется даже отложить торжества на неопределенное время.

– Возможно ли узнать, что случилось? – поинтересовался один из дворян.

– Вываю к вашему терпению, господа, – отозвался звездочет. – Скоро вы все узнаете из уст самого короля.

В зале снова поднялся шум, все наперебой принялись обсуждать неожиданное происшествие, предлагая свои версии случившегося и настаивая на том, что именно эта версия и есть самая верная. Одни говорили про войну, хотя вроде бы королевству и воевать-то не с кем, другие ссылались на разбойников, хотя и о подобных нападениях многим слышать не доводилось уже давно. Большинство склонялись к тому, что к делу причастна черная магия, наверняка в королевстве появился злобный колдун, за поимку которого будет объявлена щедрая награда. Упоминание о возможной награде, а особенно фантазии на тему суммы вознаграждения воодушевили многих, однако общий пыл остудило замечание рыжеусого графа в синем берете:

– Награда, это, конечно, замечательно, но жизнь дороже. Свяжешься вот так с колдунами, потом всю жизнь будешь на болоте квакать. В свое время Атриан Отважный отправился на битву с какими-то чародеями, но так и не вернулся. А ведь был лучшим стрелком и фехтовальщиком всего королевства.

Снова заговорили о разбойниках, кто-то вспомнил о злодейском нападении на приезжую баронессу. При этих словах Катарина повернулась к мнимой баронессе, однако не увидела Лионеллу рядом с собой. Куда подевалась эта чертовка? У них ведь есть еще незаконченное дело. Она непременно должна посчитаться с этой наглой самозванкой.

Но сколько ни бросала Катарина взгляд по сторонам, отыскать цыганку ей не удалось. Покинув тронный зал, где стало шумно как на базаре, ибо все присутствующие наперебой спешили через Ангелиуса выразить монаршей семье свое сочувствие и заверения в самых верноподданнических чувствах, девушка попробовала было поискать самозваную баронессу, но едва сама не заблудилась в лабиринтах дворцовых коридоров. Пришлось плюнуть на поиски, причем в буквальном смысле, так как кругом было пусто и никто не смог бы уличить юную гостью в такой непочтительности к мрамору полов королевского дворца, и вернуться в отведенную ей комнату.

Вернее, Катарина только попыталась вернуться в свою комнату. Блуждания по коридорам абсолютно незнакомого дворца все-таки привели к тому, что девушка безнадежно заблудилась. В сердцах она даже еще пару раз проявила непочтительность к полу неподобающим благородной даме образом, благо, это также осталось никем не замеченным. Хотя, как посмотреть? Может, как раз благом было бы, чтоб ее уже хоть кто-то заметил. Сколько можно ходить кругами? Размеры отцовского замка были куда скромнее. И куда это все вдруг подевались? Даже стало не слышно галдеж в тронном зале.

Толкнув очередную дверь, встретившуюся на пути, Катарина неожиданно увидела цыганку, стоявшую у туалетного столика спиной к выходу. Лионелла резко обернулась на скрип двери и попыталась заслонить собою столик, однако Катарина успела заметить раскрытую шка-тулку. Мелькнувшая было мысль, что оказалась в комнате, отведенной для фальшивой баронессы, мгновенно улетучилась, стоило осмотреться повнимательней. Сколь ни убедительна была цыганка в своем вранье, все же таких шикарных апартаментов она вряд ли смогла бы добиться. Да к тому же от взгляда Катарини не укрылся испуг, мелькнувший в глазах цыганки, а стало быть, вывод напрашивался сам собой.

– Так-так, – язвительно произнесла Катарина, чувствуя, что час триумфа пробил. – И чем же это вы тут занимаетесь, любезная баронесса?

– Носик пудрю, – процедила Лионелла сквозь зубы.

– Да неужели? – Катарина вплеснула руками. – А так сразу и не подумаешь. Какая занят-ная пудреница у вас, миледи.

– Подойдите поближе, ваша милость, я и вам носик припудрю, – пообещала цыганка.

– Вы очень любезны, но я лучше приглашу сюда стражу, – беспощадно отозвалась Ката-рина, сияя торжествующей ухмылкой. – Вот им и попудришь все, что хочешь.

Все-таки было несказанно приятно осознавать себя победительницей.

– Я закричу, что ты воровка, – предупредила Лионелла.

– Что?! – опешила Катарина от такой несусветной наглости.

– Что слышала, конопатая. Попробуй потом доказать, что это не я тебя застучала за про-мыслом, а наоборот. Я уже подбросила кое-что в твою комнату, так что стражникам не соста-вит большого труда сделать нужные выводы.

Катарина буквально задыхнулась от возмущения. От злости кровь прилила к щекам так, что лицу стало жарко.

– Смотри не лопни, – хихикнула цыганка, наслаждаясь крушением триумфаторских надежд своей соперницы.

– Ну, ты и гадюка, – прошипела дворянка, сама в этот момент больше похожая на рас-серженную змею.

Сжав кулаки, она двинулась прямо на цыганку. Та, без тени страха и сомнения шагнула навстречу. Однако драке снова не суждено было состояться, ибо в самый последний момент из коридора снаружи послышались несколько голосов.

– Тихо, – потребовала цыганка. – Если нас здесь застанут, обеим не сдобровать.

Сколь ни отвратна была подобная мысль, однако пришлось Катарине признать правоту самозванки. Если застанут здесь, в чужих покоях, поди потом докажи, что заблудилась, а не взломала эту комнату с целью грабежа. Языкастая цыганка вывернется, с нее взятки гладки, тем более, по ее же словам, что-то уже успела подсунуть в комнату Катарини. Конечно, в планы Катарини входит небольшой конфликт с королевским семейством, настолько, чтобы не пока-заться подходящей кандидатурой для зачисления в пансион и парой для принца, как и для прочих дворянчиков, ошивающихся при дворе, но быть изгнанной за воровство, да еще кото-рого не совершала... Пожалуй, это слишком. За такой позор и отец из замка прогонит навсе-гда, придется скитаться по свету и попрошайничать, как эта несносная воровка...

Путаясь в платье, кусая губы и проклиная про себя цыганку всеми известными ей бран-ными словами, Катарина последовала за Лионеллой в укрытие, коим послужила ниша, скрытая бархатной портьерой. Едва девушки спрятались за плотным и пыльным занавесом, от близо-сти которого предательски свербело в носу, голоса, слышавшиеся в коридоре, переместились в комнату.

– Неужели же в целом королевстве ни на кого нельзя положиться?! – взволнованно вос-кликнул кто-то тонким дребезжащим голоском, услышав который, Катарина хрюкнула, пыта-ясь подавить взрыв смеха.

Лионелла тут же зажала ладонью рот своей сопернице и вынужденной спутнице, за что получила весьма чувствительный тычок локтем в бок. Впрочем, цыганка не осталась в долгу и ответила не менее ощутимым пинком по лодыжке. Если бы Лионелла не поспешила убрать руку от лица Катарины, та наверняка прокусила бы ей ладонь. Цыганка прижала палец к губам, призывая Катарину соблюдать тишину, затем пригрозила кулаком для убедительности. Катарина так же ответила немой угрозой, на чем их возня и закончилась.

Между тем тонкий голосок продолжал возмущаться:

– Слуги – сплошное дурачье, а вассалы – ничтожные трусы!

– Не судите их слишком строго, ваше величество, – послышался другой голос, женский, звучавший ровно и спокойно.

Услышав, что в комнате присутствует сам король, Катарина не удержалась и, чуть отодвинув портьеру, осторожно выглянула наружу. При виде монарха, девушке пришлось проявить чудеса выдержки, чтобы не расхохотаться и тем самым не выдать свое убежище. Хотя на постоялом дворе юная леди Линслод в запальчивости и назвала монарха кривоногим, но до сей поры его величество представлялся ей высоким статным человеком с благородными чертами лица, как изображены государи на страницах древних трактатов в отцовской библиотеке. На деле же король оказался мал ростом и чересчур худосочен, из широченных рейтуз высовывались тонкие и действительно кривые ножки, обтянутые чулками, жабо плохо скрывало цыплячью шею на которой сидела лопоухая голова, при этом лихо заломленная корона напознала на левое ухо. Камзол со вставками придавал плечам Фернара Тринадцатого несуразно богатырскую ширину. Нелепость королевского телосложения еще более бросалась в глаза в присутствии рядом с ним супруги – высокой статной женщины с красивыми чертами лица.

– А как же еще прикажете назвать кучку подхалимов, именующих себя рыцарями и уверяющих в своей верности короне, но готовых забиться в щель, как тараканы, при первой же опасности?! – раздраженно спросил король.

Судя по всему, королевская чета только что вернулась из тронного зала, где общалась со своими подданными, ибо вряд ли его величество постоянно носил на голове неудобную корону, все время сползающую то на одно ухо, то на другое. Вот и сейчас король Фернар с нескрываемым удовольствием освободил свою плешивую макушку от монаршего головного убора и передал его слугам. Его супруга так же при помощи слуг освобождалась от парадного облачения.

Цыганка ткнула Катарину пальцем в плечо и жестами потребовала задвинуть портьеру. Катарина демонстративно пошевелила губами, беззвучно посылая Лионеллу куда подальше, однако признала требование разумным и снова спряталась за портьеру целиком. Далее ей пришлось только слушать, что происходит в комнате.

– Пожалуй, стоит объявить награду, за сведения о принце, – предложила королева. – И уж тем более щедро вознаградить того, кто освободит и вернет принца домой.

Лионелла и Катарина переглянулись. Вот, значит, из-за чего во дворце поднялся переполох – кто-то напал на наследника трона.

– Вы правы, ваше величество, – согласился король. – Быть может, хотя бы награда заставит наших благородных рыцарей вспомнить на какой полке пылятся их отвага и мужество, – добавил он язвительно.

– У вас есть еще гвардия, ваше величество, – напомнила супруга.

– Да бросьте. Разве вы не видели наших королевских гвардейцев? Толстые ленивые боровы. Со времен Гастарда Хромононого, нашего славного прапрадеда, жизнь в королевстве сытая и спокойная. Шпаги гвардейцев давно заржавели в ножнах, а в дулах их мушкетов свили гнезда мухи.

Видимо, прав был герцог Готран, когда, перелистывая страницы старинных хроник, вздыхал, что времена отважных рыцарей давно канули в прошлое. Услышав слова короля Фер-

нара, Катарина не могла не признать правоту своего родителя. Да уж, эпоха захватнических войн и лихих приключений давным-давно минула, народ обмельчал, потомки славных рыцарей совсем разучились держать шпагу и годятся только для танцулек на придворных балах.

Вспомнив отца, Катарина подумала, что все складывается просто отлично. Теперь ее совесть не просто чиста, а прямо-таки белоснежна. Нет принца, некого и очаровывать, что, говоря по совести, не очень-то и хотелось. Да и проситься в пансион сейчас совсем не с руки, не может же она соваться к королю и королеве со своими просьбами, когда в монаршей семье такое горе. Может быть, еще и траур объявят по всему королевству. В общем, пора возвращаться домой. Осталось только как-то понезаметнее выбраться из королевских покоев. Вот ведь угораздило оказаться в такое неподходящее время в таком неподходящем месте. А все из-за цыганки. Вот дать бы ей сейчас хорошего пинка, чтобы выпала из-за портьеры прямо к ногам короля и королевы, пусть бы объясняла, чем она тут занимается. Одно плохо – придется и самой точно такие же пояснения давать. Как назло еще и от пыли в носу так свербит, что приходится ноздри пальцами зажимать, того и гляди чихнет и выдаст свое присутствие.

На счастье девушек, королевская чета недолго пребывала в комнате. Вскоре голоса их величеств и все прочие звуки стихли и двери стукнули друг о друга, закрываясь.

Первой укрытие осторожно покинула Лионелла. За ней из-за портьеры выбралась Катарина и оглушительно чихнула – все-таки пыль от бархата расщекотала ноздри. Цыганка вздрогнула и сердито прошипела:

– Тихо ты, кукла белобрысая!

– Я не воровка, мне бояться нечего, – с вызовом ответила Катарина, утирая нос рукавом самым неподобающим благородной леди образом.

– Уверена, что нечего? – ухмыльнулась Лионелла. – Посмотри вон туда.

Катарина повернулась в указанном направлении, однако не увидела абсолютно ничего, достойного своего внимания.

– Ты о чем? – недоуменно спросила она, поворачиваясь обратно.

Катарина успела только заметить как Лионелла выскользнула за дверь с бронзовым подсвечником в руках.

– Ты куда?! – воскликнула Катарина, заподозрив недоброе и метнувшись к дверям вслед за цыганкой столь стремительно, насколько позволял подол платья.

Опасения подтвердились, дверь оказалась запертой снаружи – очевидно, цыганка заложила в ручки подсвечник.

– Немедленно выпусти меня отсюда! – потребовала Катарина, барабанив в дверь.

– Ори громче, быстрее найдут, – ехидно посоветовала Лионелла из-за двери. – Пока можешь придумать себе оправдание.

За дверями все стихло, цыганка ушла прочь, оставив соперницу в столь незавидном положении. Первым желанием Катарины было броситься на штурм двери, сотрясая воздух отборнейшими проклятиями, однако здравый смысл подсказал, что лучше бы вести себя потише. Вслед за этой мыслью пришла полная растерянность. Все-таки проклятая цыганка обвела ее вокруг пальца. И что теперь делать? Вряд ли придется сидеть взаперти очень долго, наверняка придут слуги или еще кто-нибудь – если лампы не погасили, значит, обязательно кто-то появится. Но вот как им объяснить свое присутствие в королевских покоях и как объяснить, кто ее запер здесь? А если чертовка сейчас еще вызовет стражу и скажет, что это она поймала воровку... Скверно.

Сжав кулаки и скрипнув зубами, Катарина дала себе слово, что обязательно посчитается с цыганкой, теперь это для нее дело чести.

В поисках путей спасения девушка подошла к окну. За мутными, давно не мытыми стеклами в темноте улицы расплывчато мигали фонари, слышались цокот копыт, посвист кучеров,

хлопки хлыстов, грохот колес. Не иначе, гости разъезжались восвояси, а может быть, и сами король с королевой покидали дворец.

Будь Катарина не в этом дурацком платье с кружевами, а в более привычной для себя одежде, в которой совершала «подвиги» в окрестностях отцовского замка, окно послужило бы отличным выходом из создавшейся ситуации. Но в таком наряде она неминуемо оступится и грохнется на клумбу, а то и на мостовую.

Снаружи из коридора слышались шаркающие шаги. План спасения созрел мгновенно и, подхватив подол платья, Катарина метнулась к двери. Расчет оправдался – когда неизвестный человек вытащил подсвечник из ручек и распахнул двери, девушка оказалась скрытой за створкой.

Шаркающей походкой незнакомец направился в глубь комнаты к столу. Впрочем, он оказался не таким уж и незнакомцем, сегодня Катарине уже довелось увидеть этого человека в тронном зале – даже со спины невозможно было не узнать королевского звездочета, такой нелепый наряд ни с чем не перепутать. Ангелиус, кажется, так его назвала плутовка Лионелла.

Поддерживая подол платья, Катарина на цыпочках выбралась из своего укрытия и попятилась в распахнутую дверь. При этом она задела локтем створку, слышался предательский скрип. Девушка закусила губу и чертыхнулась про себя – вот ведь, дворец самого короля, а петли смазать не могут.

Несмотря на преклонный возраст, королевский звездочет явно не имел проблем со слухом и моментально обернулся на скрип двери. Водрузив на нос пенсне, он с удивлением взглянул на Катарину, замершую в дверях и бестолково комкающую в ладонях подол собственного платья.

Дабы не оставить времени на зарождение каких-либо сомнений в душе старичка, Катарина ляпнула первое, что пришло в голову:

– Я ищу баронессу Лионеллу.

Впрочем, Катарина и в самом деле очень хотела бы сейчас увидеть так называемую баронессу, и не только увидеть, но еще и основательно поколотить. Вспомнив, о правилах приличия, которые без особых успехов пытались привить ей учителя, выписываемые герцогом Готраном, и которых девушка благополучно выжила из отцовского замка, Катарина добавила:

– Добрый вечер.

Девушка даже попыталась изобразить реверанс, однако поклон получился не очень – учителя так и не смогли обучить ее премудростям хорошего поведения, приличествующего благородным дамам. Вернее, Катарина сама не уделяла должного внимания подобным урокам, считая все эти выкрутасы бесполезными и потешными кривляньями.

– Добрый вечер, юная леди, – отозвался звездочет, вернув, наконец, подсвечник на его законное место, то есть, на стол. – Увы, баронесса только что покинула дворец.

– Как?! – возмутилась Катарина.

Она едва сдержалась, чтоб не разразиться отборнейшей бранью. Вот ведь чертова цыганка! Опять улизнула! Впрочем, чего еще ожидать от воровки? Струсила отвечать за свои проделки.

– Баронесса отправилась на Чандайскую топь, – сообщил звездочет.

– А что, ее замок стоит на болоте? – язвительно поинтересовалась Катарина.

Уж она-то отлично знала, что жилищем так называемой баронессе может служить лишь какой-нибудь шалашик. Ну, да, ему место как раз на болоте, как и его обитательнице, да чтоб ее засосало в эту чертову трясину...

– Благородная баронесса Киатти отправилась к колдуну Мирингельму, – пояснил Ангелиус.

Катарина едва не расхохоталась. Знал бы это старый пенек, кого называет благородной. Сдержавшись от проявления такой непочтительности к седидам королевского астролога, девушка любопытствовала:

– И откуда только вы все знаете?

Старичок пожал плечами и просто ответил:

– Я сам указал ей дорогу к топи.

– Зачем? – опешила Катарина.

– Вы конечно же в курсе, какое несчастье постигло королевскую семью... – предположил было Ангелиус.

Однако Катарина тут же отвергла его предположение, потребовав подробностей:

– Нет, не в курсе. Расскажите.

– Как? Вы ничего не знаете? – удивился звездочет. – Его высочество, принц Тьеретт во время пикника подвергся нападению и был похищен неизвестными. Причем, нападение было не совсем обычным. Сопровождавшие принца гвардейцы утверждают, что ни с того, ни с сего на землю опустился густой туман, из которого появились чудовища, схватили наследника трона и бесследно исчезли.

– А при чем же здесь баронесса Лионелла? – нетерпеливо спросила Катарина, проявляя рискованное равнодушие к несчастьям королевского семейства.

– Миледи великодушно изъявила желание принять участие и предложила свою помощь. В похищении принца явно замешано колдовство, поэтому я и посоветовал баронессе разыскать Мирингельма. Это единственный известный нам чародей. Настоящее колдовство нынче большая редкость, но, как видите, иногда еще случается. Возможно, Мирингельм каким-то образом причастен к злодейству. По крайней мере, слухи о нем ходят очень недобрые. Но даже если он и не при чем, то может оказать содействие в поисках.

Катарина ненадолго задумалась. Интересно, что задумала эта чертовка Лионелла? Трудно ожидать, что простая уличная воровка отправится на поиски принца просто так, поддавшись благородному порыву, тем более, что и благородству-то никакому неоткуда в ней взяться. Неужели решила выслужиться перед королем и королевой, охмурить принца и оттяпать себе полкоролевства? Вот проныра!

– Скажите-ка, любезнейший, как вас там... – обратилась Катарина к звездочету.

– Ангелиус Торнелий Начитанный, – охотно напомнил старик. – Звездочет и личный астролог их величеств, а так же почетный член академии Звездознания и Космографии, глава королевского общества библиотекарей...

– Я поняла-поняла, что вы очень умный, – прервала старика Катарина.

Однако и титулов у этого звездочета, не каждый дворянин может похвастаться таким длиннющим представлением. Пожалуй, на фоне списка регалий Ангелиуса померкло бы даже имя самого короля.

– Скажите, уважаемый Ангелиус, а вам не показалось странным, что отправиться на поиски принца изъявила желание девушка? – спросила Катарина.

При этом она лихорадочно соображала, что же предпринять ей самой.

– Честно говоря, предложение баронессы было весьма неожиданным и вызвало у меня некоторые сомнения, – признал Ангелиус. – Однако эта благородная дама клятвенно заверила, что в ее распоряжении находится десяток верных слуг, отлично владеющих шпагой и мушкетом.

– Ну, да, – скептически усмехнулась Катарина.

Язык у цыганки как помело, врет на каждом шагу. И чтобы вот этой вот проходимке достался принц, награда и полкоролевства? Ну уж нет, такого Катарина не допустит. Слишком много чести для простой воровки. Пусть ей самой королевский отпрыск трижды не нужен, но и цыганке она его не уступит. Придется пока повременить с возвращением домой. В конце

концов, зло должно быть наказано. Вот посчитается с воровкой, тогда можно будет и вернуться в отцовский замок с легкой душой и чистой совестью.

– Любезный, расскажите-ка мне все то, что уже рассказали баронессе – потребовала Катарина.

– Неужели вы собираетесь последовать за ней на поиски принца? – оторопел старичок.

– Именно так, – подтвердила Катарина и бойко солгала: – Не сомневайтесь, меня тоже сопровождают десять надежных слуг. Но мне потребуется ваша помощь, почтенный Ангелиус Торнелий... и дальше, как вас там...

На счастье Катарина звездочет удержался от нового перечисления всех своих должностей, регалий и заслуг перед королевством и просто выразил готовность посодействовать всем, чем только возможно в благородном деле освобождения наследника трона из рук неизвестных злодеев.

Решившись на дальнейшее путешествие и надеясь на приключения, Катарина сочла необходимым для себя: во-первых, переодеться, чтобы ноги не запутывались в подоле непривычного платья, во-вторых, вооружиться, чтоб было чем дать по зубам неизвестному чародею, в-третьих, обзавестись скакуном, достойным своего благородного седалища.

Одежду ей предоставил звездочет. Откуда только в его гардеробе взялся такой наряд? Пожалуй к приставке Ангелиуса Начитанный следовало бы еще добавить и Запасливый.

Наконец-то удалось сменить порядком надоевшее кружевное тряпье и неудобные туфельки на более привычные телу камзол, панталоны и ботфорты. Если бы в ее распоряжении было достаточно времени, Катарина любовалась бы и любовалась своим отражением в зеркале. Свои светлые волосы девушка спрятала под широкополой шляпой с пером и сейчас снова стала похожа на задиристого мальчишку-бретера.

Со всем остальным дело обстояло гораздо хуже. Впрочем, проблему вооружения Катарина решила довольно-таки легко, просто «позаимствовала» шпагу и пару пистолетов у одного из королевских стражников, благо, тот мирно дрых на посту. Шпага с трудом вынималась из ножен и, судя по ржавчине на лезвии, не использовалась по назначению не только ее прежним владельцем, но и вообще когда-либо. А беглый осмотр пистолетов выявил, что огнестрельное оружие пребывает в ничуть не лучшем состоянии, чем холодное. Интересно, мушкеты у королевских стражников такие же запущенные? Кажется, до прошлого вечера жизнь в королевстве и в самом деле была слишком уж спокойной. Похоже, на ближайшем привале придется основательно заняться чисткой оружия.

А вот добыть себе достойного скакуна оказалось весьма проблематично. Понятное дело, что на королевскую конюшню девушку никто не пустит и коня ей никто не даст, какими бы благородными намерениями она не объясняла свое требование. В этом деле ей не смог бы помочь и Ангелиус. К сожалению для себя и в отличие от цыганки, в конокрадстве у Катарины не имелось никакого опыта. Впрочем, совсем не это остудило пыл юной дочери благородного лорда Готрана. Ведь если она попадется на конокрадстве в конюшне самого короля и это дойдет до отца, тут уж никакими отговорками не отделаешься. Даже ради соперничества с ловкачкой Лионеллой идти на такой риск Катарина не могла себе позволить. Не для того выпутывалась из сложнейшей ситуации, в которой оказалась благодаря коварной цыганке, чтобы снова навести на себя подозрения в краже.

Размышления девушки прервало пофыркивание, раздавшееся совсем рядом. Оглянувшись, Катарина увидела ослика. Того самого облезлого ослика, верхом на котором приехала во дворец днем.

Катарина покраснела от досады. Ну уж нет, только не это. Снова садиться на это несусловное животное, чтобы каждый встречный тыкал пальцем и улюлюкал вслед... Второй раз она такого позора не переживет.

Ослик раскрыл пасть и выдавил из себя жуткий пронзительный звук. Он словно почувствовал, что в нем снова нуждаются, подал голос и даже забил копытцем, наверняка искренне считая себя настоящим боевым жеребцом и красноречиво намекая на полную свою готовность к подвигам.

Катарина застонала, осознав безвыходность ситуации. Как ни крути, а более достойного скакуна, чем этот облезлый осел, сейчас под рукой действительно нет. Да и время уходит, лихая цыганка опережает ее уже намного. Следует отдать ослику должное, сюда он домчал девушку довольно резво, несмотря на неказистый вид.

Скрипя зубами и чувствуя себя круглой идиоткой, Катарина оседлала осла.

На ее счастье, в этот поздний час город был не слишком оживлен и мало кому удалось посмеяться над странной наездницей, гарцевавшей верхом на облезлом ослике. Лишь стражники у дворцовых ворот откровенно ржали вслед. Было бы время, она б уж им ребра-то пощекотала острием теперь уже ставшей своей ржавой шпаги.

Вскоре Катарина покинула город и выехала на дорогу, ведущую к Чандайской топи, раскинувшейся за пределами королевства в трех днях пути, если верить словам Ангелиуса.

Глава четвертая

Лионеллу немало удивил знакомый насмешливый голос, раздавшийся за спиной:

– Ну и где же все твои слуги, баронесса? Кажется, их у тебя целый десяток и все вооружены до зубов.

Расположившись на привал на лесной полянке, разведя костер и поджаривая на огне тонкие ломтики мяса, нанизанные на прутик, цыганка не ждала гостей и менее всего была готова к встрече с владелицей герцогской кареты, так удачно прибранной к рукам совсем недавно.

Обернувшись, Лионелла, смерила соперницу гордым взглядом и с вызовом ответила:

– Чтобы надрать твою изнеженную благородную задницу, мне не понадобятся слуги.

Катарина в свою очередь окинула цыганку взглядом. Подобно ей самой, Лионелла также сменила платье на мужскую одежду, лишь вместо шляпы голову цыганки покрывала алая косынка, повязанная на пиратский манер. Интересно, она одевалась из того же гардероба придворного звездочета или снова успела кого-то обогнать?

– А вот сейчас проверим, насколько ты крута, – произнесла Катарина. – Защищайся!

Не без труда вытащив из ножен ржавую шпагу, Катарина изготовилась к бою, приняв стойку по всем правилам фехтовального искусства. Уж что-что, а шпагу-то держать девушка умела неплохо. По крайней мере, ей самой казалось именно так. Понятное дело, что никто ее этому специально не обучал. Во-первых, в замке лорда Готрана лишь один человек знал толк в фехтовании – сам герцог, во вторых же, если бы герцог узнал, что кто-либо обучает его младшую дочь тому, чего юной леди знать совсем не полагается, виновного ждало бы суровое наказание. Так что Катарине приходилось самой постигать запретную для нее науку, разглядывая картинки в трактате из замковой библиотеки, да гоняя палкой деревенских мальчишек.

Ослик за спиной пронзительно взвизгнул, словно подбадривал свою хозяйку. Увидев низкорослое длинноухое животное под седлом, Лионелла расхохоталась. Похоже, воинственность соперницы ее нисколько не впечатлила.

– Защищайся! – повторила Катарина, теряя терпение. – Сейчас посмотрим, чья задница будет в синяках!

– Да это и так ясно! – отозвалась Лионелла.

Сорвав с пояса кнут, цыганка взмахнула кнутовищем. Кончик длинного хлыста обвился вокруг клинка соперницы и в следующий миг Катарина поняла, что осталась безоружна. Лионелла явно владела кнутом гораздо лучше, чем Катарина шпагой. Вырванный из руки клинок с дребезжанием впился в ствол дерева за спиной цыганки.

– А ну-ка, попляши благородная госпожа! – задорно воскликнула Лионелла, снова взмахнув кнутом.

Даже сквозь сапоги Катарина почувствовала хлесткий удар по ступням и непроизвольно подпрыгнула, чем вызвала смех своей противницы. Следующий взмах кнута снова заставил Катарину подпрыгнуть, и вновь Лионелла обидно рассмеялась. Такого оскорбления дочь герцога стерпеть не могла. Она рванула из-за пояса пистолеты и взвела курки.

– Сейчас ты у меня плясать будешь! – угрожающе пообещала Катарина.

Под дулами пистолетов Лионелла слегка побледнела, чем вызвала торжество в душе Катарины. Стрелять в почти безоружную противницу Катарина вовсе не собиралась, но отнюдь не из соображений благородства – просто до сих пор не удосужилась почистить оружие и убедиться в его пригодности для стрельбы, а потому очень опасалась, что при первом же выстреле пострадает сама. Однако припугнуть наглую цыганку было необходимо.

Торжество Катарины длилось недолго. Лионелла обвила кнутом ноги противницы и резким рывком свалила ее на землю. От удара спиной о землю Катарина выронила один из пистолетов, однако не растерялась. Подставив под следующий удар другой пистолет, Катарина пере-

хватила кнут и дернула на себя. Теперь упала Лионелла, не удержавшись на ногах. Сцепившись, крича и визжа, как две дикие кошки, девушки принялись кататься по земле.

– На тебе, воровка!

– Получи, конопатая!

Стараясь одолеть друг друга, обе изрядно утомились. Наконец, это их занятие прервал дикий ор. Расцепившись, девушки недоуменно посмотрели на ослика. Тот распахнул пасть, обнажив крупные желтые зубы, и снова заорал, словно намекая, что пора бы уже прекратить заниматься ерундой.

– Тихо ты! – прикрикнула на него Катарина.

Ослик фыркнул и кивнул головой, будто указывал на что-то за спинами соперниц. Обернувшись, девушки увидели, как какой-то долговязый небритый мужик отвязывает от дерева лошадь, одну из тех, что прежде были запряжены в фамильный экипаж герцога Ламберании и на которой Лионелла покинула королевский дворец.

– Эй, ты, убери свои грязные лапы от моей кобылы! – возмущенно крикнула Катарина.

Нет, ну это уже ни в какие ворота не лезет, кругом одни воры. Прямо среди бела дня готовы обокрасть, стоит только чуть-чуть отвлечься.

– Не трогай мою лошадь! – не менее возмущенно крикнула Лионелла.

– С каких это пор она стала твоей?! – снова возмутилась Катарина.

– А ты попробуй докажи, что она твоя! – огрызнулась цыганка.

Обе вполне могли бы снова вцепиться друг в друга и продолжить потасовку, но из леса появились еще трое бородатых мужчин.

– А вы, дамочки, не отвлекайтесь, – хохотнул один из них. – Мы вас тут пограбим немножко и уйдем, а вы пока продолжайте, хоть нам вас мутузить не придется.

Девушки переглянулись. Похоже, увлекшись выяснением своих очень непростых отношений, они подверглись нападению самых обычных, даже заурядных грабителей. Впрочем, это даже нельзя было назвать нападением, разбойники просто брали, что хотели, нисколько не опасаясь противодействия со стороны двух молоденьких девчонок. Один спокойно отвязывал лошадь, другой деловито рылся в походной котомке Лионеллы, остальные двое присматривались к девушкам, явно размышляя, стоит ли их разуть или такие малоразмерные сапоги ни самим не натянуть, ни другим не продать.

Рука Лионеллы метнулась к кнуту, в следующий миг девушка вскочила на ноги. Катарина последовала ее примеру и схватила свои пистолеты.

– А ну, убирайтесь отсюда! – потребовала Катарина, пригрозив разбойникам оружием.

– Ты хоть стрелять-то умеешь, девочка? – хохотнул один из грабителей.

Судя по всему, воинственность двух молоденьких девчонок разбойников ничуть не впечатлила.

– Сейчас узнаешь! – сердито воскликнула Катарина.

Забыв, в каком состоянии пребывает огнестрельное оружие, тайно позаимствованное у нерадивого стражника, девушка вскинула один из пистолетов, целясь в помятую шляпу на голове разбойника, и спустила курок. Раздался лишь сухой щелчок. Разбойники обидно заржали.

– Ну ты и дура! – сердито прошипела Лионелла.

– Сама дура! – огрызнулась Катарина и вскинула другой пистолет.

Однако и в этот раз выстрела не последовало, пистолет лишь слабо пшикнул, выпустив облачко порохового дыма.

– Толку от тебя, конопатая!.. – ругнулась цыганка и взмахнула кнутом.

Удар кнута пришелся по отвисшей заднице разбойника, уже отвязавшего лошадь от дерева. Тот взвыл от боли.

– Ах, вы так?! – воскликнул старший из грабителей. – Не желаете делиться по-хорошему?!

Разбойники со всех сторон устремились к девушкам. Перехватив за ствол ставший уже бесполезным пистолет, Катарина метнула его в ближайшего разбойника. Получив удар рукоятью в лоб, тот упал с ног.

– Держи! – крикнула Лионелла.

Захлестнув кнутом рукоять шпаги своей соперницы, цыганка вырвала клинок из дерева, куда сама же воткнула его совсем недавно. Катарина перехватила рукоять шпаги на лету, сама поражаясь своей ловкости. Кончик кнута Лионеллы заставил отступить двух разбойников, Катарина же взмахом шпаги сбила шляпу с головы их предводителя и приставила острое клинка к его груди. Попутно девушка не отказала себе в удовольствии отвесить хорошего пинка мужику, получившему удар в лоб ее же пистолетом и пытавшемуся теперь подняться на ноги.

– Продолжим или лучше сразу укывляете туда, откуда пришли? – грозно осведомилась Катарина, надавив на клинок.

– Лучше сразу, – поспешно ответил разбойник. – Мы же просто пошутили.

– Проваливайте, шутники! – прикрикнула Лионелла. – В следующий раз не поздороваются!

Незадачливые грабители поспешили убраться восвояси.

– Ну и придурки, – хохотнула цыганка.

– Точно, – согласилась Катарина.

– Совсем никакого порядка в лесах не стало, – посетовала Лионелла. – Вот уже и разбойники на большую дорогу вышли.

– И не говори, – съязвила Катарина. – Даже у баронессы от кареты дверцы оторвали.

– Ага, а у герцогини карету вообще сперли вместе со всем барахлом, – подколола ее цыганка.

Перепалка грозила перейти в новую стычку, но готовая вспыхнуть ссора угасла сама собой, едва только девушки взглянули друг на друга. После недавней потасовки меж собой обе были растрепанные, исцарапанные, перепачкавшиеся.

– Ну ты и чучело! – расхохоталась Лионелла. – Тебя хоть сейчас на огород ставь ворон пугать!

– На себя посмотри! – со смехом отозвалась Катарина.

Сейчас, когда пар был выпущен, а сил уже изрядно поубавилось, причем больше в собственной драке, чем в стычке с разбойниками, у обеих не было никакого желания продолжать потасовку. Девушки принялись приводить себя в порядок, отряхивать одежду, вычесывать руками из волос хвойные иголки и листья.

– Зачем ты за мной потащилась, белобрысая? – полюбопытствовала Лионелла, застегивая на камзоле оставшиеся пуговицы. – Только чтобы подраться?

– Много чести для тебя, попрошайка, – буркнула в ответ Катарина, пытаясь отыскать в траве свою заколку для волос. – Я тут просто каталась верхом.

– Ну да, – язвительно рассмеялась цыганка. – Вас, благородных дамочек, хлебом не корми, только дай покататься по лесу верхом на ослах. Хоть бы врать научилась как следует.

– А тебе, я смотрю, и учиться не надо. Навешала тому старику в шапке лапши на уши. Опять какую-то пакость задумала? Только не уверяй меня, что действительно решила разыскать принца из благородных побуждений.

– Ах, вот в чем дело! – догадалась Лионелла. – Ты тоже едешь к Чандайской топи.

– Это ты тоже, а я сама по себе! – воскликнула Катарина, гордо вздернув свой веснушчатый нос благородного происхождения.

– Не задавайся, ваша милость, а то опять по носу получишь, – осадила ее Лионелла.

– Сама не задавайся, а то снова причесываться придется. Если останется, что причесывать.

– Ой-ой-ой, какие мы грозные. На кой черт ты потащилась к топи? Не ты ли говорила, что принц тебе даром не нужен?

– Не твое дело. Зато, как вижу, тебе он очень нужен. Что? Надоело попрошайничать? Решила окрутить наследника трона и стать благородной дамой?

– Вот еще! – Лионелла насмешливо фыркнула. – Чтобы быть такой же разряженной дурой, как ты? Меня устроит и награда.

– Ну да, – хихикнула Катарина. – Вы, попрошайки, каждой монетке рады. Только дальше тебе придется топтать пешком, я забираю свою лошадь.

– Интересно посмотреть, как у тебя это получится.

Катарина ненадолго задумалась. Что верно, то верно, отобрать у самозванки свою лошадь будет не так-то просто. Ловкая, как кошка, еще и кнутом так лихо машет. Не миновать новой драки, а кто выйдет победителем, еще неизвестно, как бы самой всего не лишиться. Она, конечно, не трусиха, но, пожалуй, сейчас лучше проявить осторожность. Она добьется своего и по-другому, уж изобретательности-то по части мелких пакостей ей не занимать.

– Ладно, не будем сейчас ссориться, – примирительно сказала Катарина. – Предлагаю тебе сделку. Идем до Чандайской топи вместе, а потом каждая сама за себя.

– Идет, – согласилась Лионелла.

Юной цыганке тоже совсем не улыбалось ввязываться в новую потасовку. Хоть она и считала соперницу никчемной пустышкой и неженкой, все-таки дочь герцога оказалась слишком уж сноровистой для благородной дамочки и дралась явно не впервые. Ничего, Лионелла уже обводила эту дурочку вокруг пальца, обдурит и еще раз. А пока им действительно лучше держаться вместе, мало ли, какие еще недоумки, желающие позаимствовать без спросу чужое добро, попадутся на пути.

В знак примирения девушки обменялись рукопожатием. Держа другую руку за спиной, Катарина скрестила пальцы. Если бы в этот момент она могла заглянуть за спину Лионеллы, то увидела бы, что цыганка сделала то же самое.

– А чем это пахнет? – спросила Катарина, приняв хавшись.

– Ах, черт! – спохватилась Лионелла и метнулась к своему костру.

Огонь уже почти угас, однако это не помешало мясу, которое поджаривала цыганка, превратиться в угольки, распространяющие совсем не аппетитный смрад.

– Вот и пообедала, – удрученно вздохнула Лионелла.

– А больше ничего нет? – поинтересовалась Катарина.

Хоть витавший в воздухе запах мог вызвать только тошноту, все-таки сейчас юная дочь герцога почувствовала зверский голод. Торопясь догнать соперницу, она предусмотрела все, кроме съестных припасов для себя и своего неказистого скакуна. Впрочем, ослик в настоящий момент не очень-то страдал от забывчивости своей наездницы – засунув морду в кусты по самые уши, он неторопливо объедал ягоды.

– Только хлеб, – ответила Лионелла.

Она достала из котомки краюху серого хлеба. Катарина сглотнула, отвернувшись, чтобы не видела цыганка. Несмотря на голод, гордость не позволяла отпрыску благородного рода герцогов Ламберанских унижаться до того, чтобы просить поделить куском хлеба безродную попрошайку.

Лионелла тронула Катарину за плечо и протянула ей ломоть.

– Держи.

В глазах цыганки Катарина не увидела ни упрека, ни насмешки, а предложение ее прозвучало столь обыденно, будто они были старыми подругами.

– Спасибо, – поблагодарила Катарина, причем, вполне искренне.

Сейчас она действительно была благодарна спутнице, за ее отзывчивость. Может быть, эта цыганка не такая уж и дрянная девчонка.

– Только знаешь, что, подруга? – произнесла Лионелла. – Давай-ка жевать на ходу. Поехали подальше отсюда. Кто знает, может, у тех недотеп где-нибудь поблизости куча приятелей. Как заявятся сюда всей толпой, да еще с оружием...

Признав предложение разумным, Катарина свистнула своего ослика. Взобравшись на спину осла, она вновь почувствовала себя посмешищем, но, на счастье их обеих, Лионелла воздержалась от колких замечаний, хотя по ее лицу было видно, что цыганка едва сдерживается от смеха.

Хлеб был черствым и невкусным, но проголодавшиеся девушки порадовались и этому. Цыганка оказалась гораздо опытней своей спутницы, что было и неудивительно, учитывая ее бродячий образ жизни, и с ее подсказки припасы обогатились ягодами и грибами, так что на ночевку девушки расположились боле-мене сытыми.

Катарина проснулась первой, когда ночная мгла еще только едва начала рассеиваться. Собственно, ей и спалось-то не очень замечательно. Всю ночь в траве неподалеку слышалось шуршание, над ухом звенели комары, доносилось кваканье полчища лягушек, свидетельствовавшее о близости Чандайской топи, где обитал таинственный и, судя по слухам, злобный чародей.

Лионелла безмятежно посапывала – привычную к ночевкам под открытым небом цыганку ничуть не беспокоили звуки ночного леса. Пожалуй, более подходящего случая избавиться от общества воровки трудно было бы сыскать. Немножко, конечно, совестно, все-таки, цыганка не позволила ей пропасть от голода, но справедливость прежде всего.

Осторожно поднявшись, Катарина освободила стреноженную лошадь. Услышав сопение за спиной, девушка обернулась, готовая выпалить целую кучу всевозможных оправданий, но оказалось, что позади стоит ослик. Лионелла по-прежнему мирно спала, не подозревая, что уготовила ей спутница.

Наблюдая, как хозяйка подтягивает подпругу и готовится взобраться в седло, ослик фыркнул и вдруг раскрыл пасть, явно намереваясь взбудоражить всю округу своим диким криком. Катарина показала ослу кулак и прошипела:

– Только попробуй! Уши узлом завяжу!

Угроза подействовала ненадолго. Свято уверовав в собственную незаменимость, ослик почувствовал себя оскорбленным до глубины души тем обстоятельством, что ему вдруг предпочли совсем другого скакуна, чем и собирался возмутиться во всеуслышание. Увидев как он снова раскрыл пасть, Катарина поспешно схватила осла за морду и силой сомкнула его челюсти.

– Предатель, – укоризненно прошипела девушка. – Черт с тобой, пошли.

Лошадь она просто хлопнула по боку и шепотом приказала:

– А ты скачи домой, к отцу.

Послушно фыркнув, лошадь неспешно скрылась меж деревьев, унося с собой практически весь небогатый походный скарб цыганки, притороченный к седлу. Катарина потянула ослика за повод.

– Идем, гад ушастый.

Ослик резво засеменял следом за хозяйкой, взмахами хвоста выражая безграничную преданность и полную готовность к героическим свершениям.

Когда солнце поднялось над оставшимся позади лесом, где они покинули Лионеллу, под ногами захлюпало, а еще через некоторое время пришлось перескакивать с кочки на кочку, чтобы не провалиться по колено в топкую грязь. Катарина начала всерьез опасаться, что осел увязнет. Пожалуй, лучше бы было оставить его на окраине болота. Хоть он, конечно, и гад

порядочный, но все же девушка уже как-то привязалась к этому несуразному животному и ей было бы жалко, если бы осел вдруг провалился в бездонную промоину.

Однако, вопреки опасениям Катарина, провалился не ослик, а она сама. Оступившись, девушка вдруг оказалась по самый пояс в грязной жиже. Попытка выбраться успеха не принесла, топь крепко держала свою жертву. Катарина похолодела от ужаса.

– Эй, ты! – позвала она осла. – Как тебя там? Помоги!

В голову пришла несвоевременная и совсем неподходящая ситуации мысль, что надо было бы спросить имя осла у его прежнего владельца.

Ослик в очередной раз показал себя сообразительным существом. Поняв в какой ситуации оказалась его хозяйка, он подался вперед и качнул головой пытаясь бросить девушке свой повод, до которого, однако, Катарина не сумела дотянуться. Почувствовав, что ненадежная поверхность болота расползается под копытами, ослик поспешно отступил назад на кочку. Катарина закусила губу и застонала от чувства собственного бессилия. Вот тебе и приключения. Сгинет тут в этой трясине и никто не узнает, как бесславно окончила свои дни потомок славного рода ламберанских рыцарей. И кричать-то бесполезно, все равно никто не услышит.

Впрочем, у ослика по поводу бесполезности призыва о помощи имелось собственное мнение, что он и продемонстрировал, вздернув морду к небу и ошарашив всех местных жаб и лягушек своими резкими пронзительными криками.

Опустив голову, Катарина медленно и безропотно все глубже погружалась в трясину. К чему дергаться и вопить? Она умрет достойно, как и подобает истинной дворянке и благородной леди.

Когда мутная болотная жижа, кишащая водомерками, дошла до горла, вопли осла вдруг смолкли и послышался знакомый язвительный голос:

– Что, конопатая? Увязла?

Катарина вскинула голову. Рядом с ослом стояла Лионелла, держа в руках длинный шест.

– Может, поможешь? – поинтересовалась Катарина, стараясь не казаться слишком обрадованной, чтобы эта безродная попрошайка не возомнила о себе невесть что.

– Дай-ка подумаю. – Лионелла изобразила на лице задумчивость. – Ты украла мою лошадь со всем добром, бросила меня одну в лесу, хотела лишить меня моей награды за спасение принца... Ты знаешь, пожалуй, нет. Не вижу ни одной причины, чтобы вытащить тебя из болота.

– Это была моя лошадь! – возмутилась Катарина. – Ты сама ее украла, причем, у меня же! И я тебя не бросала! Я... Я...

– Ну-ну? – поторопила ее Лионелла, с явным интересом ожидая, какую же отговорку придумает неверная спутница в свое оправдание.

– Я за клюквой пошла! – выпалила Катарина. – Для завтрака!

– И много насобираала? – насмешливо поинтересовалась Лионелла.

– Хватит издеваться, имей совесть! – сердито крикнула Катарина, потеряв остатки самообладания и терпения. – Меня засасывает, все-таки!

– Я вижу, – кивнула Лионелла, ухмыляясь. – Прямо не знаю, вытащить тебя, что ли?

Катарина закусила губу и простонала. Неужели придется умолять эту наглую цыганку? Какое унижение! Но тонуть у нее на глазах еще унижительней. Лучше бы вообще не приходила, чертовка.

– Ну, хорошо, – наконец сжалилась Лионелла. – Так и быть, я тебя вытащу. Только попроси меня как следует.

– Ну ты и гадина! – не сдержалась Катарина.

– Не больше, чем ты, белобрысая кукла, – не осталась в долгу цыганка. – Советую поторопиться, а то скоро тебя по уши затащит, только булькать сможешь, а я по-лягушачьи не понимаю.

Как ни прискорбно было признавать правоту Лионеллы, но все же пришлось – Катарина погружалась все глубже и глубже, и ей действительно стоило поторопиться.

– Помоги... пожалуйста, – выдавила из себя Катарина.

– Обманывать больше не будешь? – спросила Лионелла, издевательски ухмыляясь.

– Честное слово, никогда больше так не буду! – пообещала Катарина. – Помоги!

– Ох, и почему я тебе не верю? – вздохнула цыганка. – Ты же такая врушка... Ладно, держи.

Она протянула юной дворянке конец шеста. Катарина вцепилась в шест и вскоре трясина с хлюпаньем и чавканьем выпустила свою жертву.

– Ну и воняет от тебя, подруга, – поморщилась Лионелла. – Ты там не обделалась, случайно? Постираться-то тебе точно не мешает.

Катарина и в самом деле распространяла затхлый запах болотной тины. Если поначалу она и испытывала некоторую благодарность за свое спасение, то последнее замечание вывело ее из себя. Поднявшись на ноги, Катарина что было сил толкнула свою спасительницу и через мгновение Лионелла оказалась на том самом месте, откуда только что вытащила дворянку.

– Ты что сделала, дура конопатая?! – взвизгнула цыганка, с ужасом чувствуя, что трясина не собирается выпускать ее из своих объятий.

– Ой, какая я неловкая! – всплеснула руками Катарина, не скрывая злорадного торжества. – Прости, подруга, так получилось. Ну, извини, мне пора. Поболтала бы с тобой, но, сама понимаешь, дела. Счастливо оставаться.

Схватив ослика за повод, Катарина изобразила готовность продолжить свой путь и предоставить цыганке самой заниматься собственным спасением.

– Стой! – крикнула Лионелла. – А ну вытащи меня! Немедленно!

– По-моему, я не услышала слова «пожалуйста», – заметила Катарина и взглянула на своего ослика. – А ты слышал?

Осел помотал головой.

– Ну ты и дрянь! – возмутилась Лионелла, силясь вырваться из трясины.

– Не больше, чем ты, попрошайка, – усмехнулась Катарина. – Ну, так как? Будешь просить как следует или дождемся, когда начнешь булькать?

– Черт с тобой, – сдалась Лионелла. – Пожалуйста, вытащи меня отсюда.

– Между прочим, перед тобой дочь герцога, – намекнула Катарина, демонстративно вздернув нос, перепачканный болотной тиной.

– У которой совести совсем нет! – раздраженно добавила цыганка. – Ну, хорошо... Глубокоуважаемая леди, не будете ли вы столь любезны оказать мне услугу, протянуть шест и вытащить меня из этой помойки? Живей, конопатая!

– По-моему, она не искренна, – заметила Катарина, снова обращаясь к ослу. – Но я такая добрая, такая доверчивая, меня так легко уговорить. Как ты думаешь, стоит ее вытащить?

Осел закивал головой, явно выражая согласие.

– Ну, хорошо, – неохотно вздохнула Катарина. – Только ради тебя, мой длинноухий друг.

С этими словами она, наконец, протянула Лионелле шест и вытащила спутницу из трясины. Все произошедшее изрядно утомило обеих, в изнеможении девушки растянулись на травянистом островке – единственном месте на всем болоте, где можно было не опасаться стать добычей трясины.

– Кукла конопатая, – выдохнула Лионелла, тяжело дыша.

– Попрошайка чумазая, – так же тяжело отозвалась Катарина.

Собравшись с силами, Лионелла приподнялась и пихнула спутницу.

– Хватит валяться. Пошли дальше.

Она первой пошла вперед, нащупывая дорогу шестом. Держа в поводу верного ослика, Катарина последовала за цыганкой.

Глава пятая

К вечеру две путешественницы, с ног до головы перепачканные болотной грязью, и ослик выбрались на твердую землю.

– Похоже, это и есть остров колдуна Мирингельма, – заметила Лионелла.

– Уверена? – недоверчиво поинтересовалась Катарина.

– Ну, я ж не идиотка полная! – возмутилась цыганка. – Я дорогу хорошо разузнала, не то, что ты.

– Очень-то не задавайся, – осадила ее Катарина. – Еще посмотрим, куда ты нас завела.

– Ну ты и склочница.

– А ты воровка.

– Конопатая!

– А ты!... А ты!..

Катарина не успела придумать достаточно обидное слово, в препирания девушек вмешался ослик, причем, самым бесцеремонным образом. Его резкий крик на мгновение оглушил обоих.

– Ты-то чего орешь! – прикрикнула на него Лионелла.

– Это он тебя жабой назвал, – хихикнула Катарина.

– Скорее уж тебя. Забыла уже, как пузыри в болоте пускала?

– Сама-то в той же луже булькалась. Посмотри на себя, на ушах водоросли висят.

– Сама такая.

Их перепалку вновь прервал крик осла.

– Ну чего тебе?! – раздраженно воскликнула Катарина.

Ослик мотнул головой, словно указывал вперед.

– Смотри, подруга! – Лионелла схватила спутницу за руку. – Там хижина.

Впереди, меж двух чахлах елочек, и в самом деле виднелась соломенная крыша.

– Думаешь, это логово колдуна? – опасливо спросила Катарина.

– Сейчас зайдем туда и узнаем, – ответила Лионелла, скрывая за бравадой собственную тревогу. – Если что, бей его сразу по ушам, а я ему руки свяжу.

– Почему по ушам? – не поняла Катарина.

– Да бей, как хочешь, лишь бы не дергался. А то превратит тебя в пиявку. Хотя, ты и так пиявка, всю кровь из меня уже высосала.

– Сама ты пиявка! – оскорбилась дворянка. – Жаба болотная!

Шипя друг на друга как две рассерженные кошки, девушки прокрались к хижине. Однако осуществить внезапное нападение на хозяина жилища не удалось, в дело опять вмешался не в меру разговорчивый и громогласный осел.

– Где ты взяла это чудовище?! – воскликнула Лионелла, не сдержав возмущение.

– Там, где ты меня обокрала, – отозвалась Катарина. – Так что сама виновата!

На шум из хижины вышел здоровенный детина среднего возраста, в простой крестьянской одежде. При виде двух незнакомок, заляпанных бурой грязью и болотной тиной, с водорослями в волосах, на безволосом лице хозяина жилища появилось детское недоумение.

– Вы кто такие? – поинтересовался он. – Я, вроде бы, сегодня кикимор не ждал.

– Попридержи язык, деревенщина! – оскорбилась Катарина. – Перед тобой благородная леди, дочь ламберанского герцога лорда Линслода.

– И баронесса Киагги, – добавила цыганка, желая придать себе значимости.

– Да какая ты баронесса?! – насмешливо фыркнула Катарина. – Хоть здесь-то не заливай, имей совесть.

– Не задавайся, белобрыся! – огрызнулась Лионелла.

– А чего вам здесь надо-то? – с прежним недоумением на своей широкой, по-детски наивной физиономии спросил обитатель хижины.

– Нам нужен знаменитый чародей Мирингельм, – сообщила Катарина.

До недавнего времени она даже и не слыхала про обитателя Чандайской топи, но все же назвала его знаменитым, дабы подчеркнуть, что потомок славного рода ламберанских герцогов притащилась на это болото не просто так.

Болотный житель в очередной раз окинул девушек внимательным взглядом и спросил:

– Вы что же, шли через болото? Это же опасно. Вон там есть вполне приличная дорога, в следующий раз идите по ней, это безопаснее.

Катарина метнула в спутницу гневный взгляд.

– Так ты говоришь, хорошо дорогу разузнала? – издевательски спросила она.

– Не скрипи, – огрызнулась цыганка. – Как Ангелиус сказал, так я и шла. Сама-то даже и этого не удосужилась узнать.

Слушая их перебранку, обитатель хижины полюбопытствовал:

– Вы всегда ругаетесь?

– Да! – честно, рассерженно и в один голос отозвались девушки.

– В самом деле? – еще более удивился мужчина.

Глаза здоровяка смотрели на неожиданных гостей все с той же детской наивностью. Вообще он сам больше походил на большого ребенка, чем на зрелого мужчину.

– Ты сам-то, кто такой? – наконец удосужилась поинтересоваться Лионелла.

Здоровяк пожал плечами и представился:

– Так я и есть Мирингельм.

– Ты?! – удивленно воскликнули девушки снова в один голос.

– Ну да, я, – подтвердил мужчина. – Я гостей не ждал, но, раз уж пришли, проходите в дом. Только сначала отмойтесь, а то я только что пол подмел и пыль вытер.

Если бы что-то подобное прозвучало из уст кого-нибудь другого, девушки наверняка бы оскорбились, посчитав, что их откровенно назвали грязнулями, что, собственно, в данный момент ничуть не противоречило истине. Но на Мирингельма, прямо-таки излучавшего детскую невинность и наивность, просто невозможно было обидеться. Поглядев друг на друга, Лионелла и Катарина признали, что действительно неплохо было бы почиститься. Немудрено, что этот детина с мозгами ребенка принял их за кикимор.

У большущей бочки с дождевой водой позади хижины, девушки отмылись от болотной грязи. В котомке запасливой цыганки оказалась гребенка, которую она не пожадничала одолжить своей спутнице и сопернице – обе расчесали волосы, превратившиеся за время пути через болото в лохмы. На краткое время девушки словно забыли о своих разногласиях и постоянном соперничестве, даже не переругивались против обыкновения. Прополоскав испачканную одежду, Катарина и Лионелла развесили свои вещи на жердях ограды на просушку, сами же завернулись в одно широкое льняное покрывало, любезно предоставленное им гостеприимным добродушным хозяином, став похожими на сказочно нелепое существо с двумя головами и четырьмя ногами. Передвигаться таким образом было весьма неудобно, но не голыми же блистать юными телесами перед незнакомым мужиком.

– Этот колдун такой безобидный, – заметила Катарина, пытаясь стянуть на свою сторону большую часть покрывала. – А ты хотела ему по ушам надавать.

– Еще не известно, насколько он безобидный, – отозвалась Лионелла, ненавязчиво отводя покрывало обратно. – Не зря же его все вокруг боятся.

– Не тяни все на себя! – проворчала Катарина, снова потянув покрывало в свою сторону. – И так уже даже грудь прикрыть нечем.

– Было бы что прикрывать, – насмешливо фыркнула цыганка.

– На себя посмотри, – огрызнулась Катарина. – Плоскодонка.

– Курица курносая!

Переругиваясь и пихая друг друга локтями обе неуклюже направились к хижине. Хозяин дома сидел снаружи на вязанке хвороста, держа на коленях раскрытую толстенную книгу. Макая гусиное перо в стоявшую рядом на земле чернильницу, Мирингельм что-то записывал на страницах с задумчивым видом.

– Заклинания записываете? – полюбопытствовала Катарина.

– Нет, стихи, – ответил Мирингельм. – Вот, послушайте из последнего. Только что родилось.

Не поднимаясь с вязанки, он выпрямил спину, откинул голову назад и торжественно декламировал:

– Живу один я на болоте

Средь мухоморов и лягух.

Гостей не видел больше года

И вот пришло их сразу две...

– А рифма где? – недоуменно спросила Лионелла.

– А что? Должна быть? – совершенно искренне удивился Мирингельм.

Девушки переглянулись. Лионелла многозначительно покрутила пальцем у виска, Катарина хрюкнула, пытаясь не рассмеяться.

Мирингельм не заметил такого явного пренебрежения к своему творчеству, ибо в этот момент задумался над новой строкой своего стихотворения.

– Между прочим, нам был обещан чай, – нескромно напомнила Катарина, нарушив сосредоточенность болотного колдуна и окончательно развеяв его поэтическое вдохновение.

– Ну да, ну да, – кивнул Мирингельм.

Отложив тетрадь в сторону, он поднялся и жестом пригласил девушек войти в хижину.

– Прощу вас, барышни.

«Барышни» кое-как протиснулись боком в узкую дверь хижины. Будучи спеленатыми в одну связку, сделали они это с превеликим трудом и настолько неуклюже, что если бы на месте Мирингельма был кто-нибудь другой, он катался бы по земле от смеха. Болотный же колдун не повел и бровью.

– Ну ты и корова неуклюжая, – ругнулась Катарина, едва не споткнувшись.

– Сама корова, – огрызнулась Лионелла. – На ноги не наступай.

Доковыляв до стола, обе одновременно плюхнулись на скамейку. Мирингельм наполнил из котелка большущую глиняную кружку и поставил ее перед девушками.

– Это травяной чай, – пояснил он. – Попробуйте, вам понравится.

– А что, кружка только одна? – недоуменно спросила Лионелла.

– Одна. Я же живу один, зачем мне две?

– Она хоть мытая? – с сомнением поинтересовалась Катарина.

– Конечно, – ответил Мирингельм, ничуть не обиженный. – Я всегда посуду мою. И пыль вытираю. И пол подметаю.

В чистоплотности болотного мага и в самом деле трудно было усомниться – в его жилище царил абсолютный порядок, словно здесь каждый день трудился десяток горничных.

Катарина первая осмелилась попробовать чай болотного отшельника. Напиток действительно оказался очень приятным на вкус. Глядя, как она прихлебывает, Лионелла ревниво потребовала:

– Мне-то оставь. Чего присосалась, пиявка?

– Сама ты жаба болотная, – огрызнулась Катарина и передала ей кружку.

– Может, супчику хотите? – предложил радушный хозяин. – У меня чудесный супчик.

– А тарелка, наверное, тоже одна, – предположила Катарина, заранее предвидя ответ.

– Одна, – подтвердил ее догадку чародей. – И ложка одна. Я же один живу...

– ... зачем вам две? – за него хором закончили девушки.

– Ну да, – кивнул Мирингельм. – Зато есть еще вилка. Тоже одна.

Это было уже слишком. Девушки переглянулись и расхохотались, представив себя со стороны – смотанных покрывалом в одно странное ругающееся существо, хлебающих из одной кружки и из одной миски. Мирингельм недоуменно захлопал глазами, не понимая причину такого бурного веселья. Его глуповатая физиономия еще больше рассмешила девушек.

– Так зачем же вы пришли ко мне, любезные дамы? – поинтересовался чародей.

Катарина снова хихикнула. Слишком уж несуразным казался ей этот человек с его внушительным телосложением, детским выражением лица, младенческой наивностью и крестьянскими повадками, смешанными с необыкновенной галантностью. Лионелла ткнула спутницу локтем в бок и ответила чародею:

– На днях был похищен принц Тьеретт, наследник короля Фернара. Нам посоветовали обратиться к вам.

– В самом деле?! – оживился Мирингельм. – Как интересно! Спасибо, что рассказали. Отличный сюжет для нового стихотворения. Например, так:

Темной ночью злодеи подкрались,

Когда мирно светила луна.

Пробрались они в комнату принца

И... и...

Надо записать, пока не забыл...

– Стихи очень хорошие, – поспешно похвалила Катарина, вновь вспугнув поэтическую музу болотного чародея. – Но мы пришли не за этим.

– А зачем же, позвольте узнать?

– Нам требуется помощь в поисках принца, – сказала Лионелла.

– Чем же я могу помочь? – удивился Мирингельм

– Ну, вы же чародей, – напомнила Катарина.

– В самом деле? – снова удивился болотный колдун.

Девушки обменялись не менее удивленными взглядами.

– Ну да, ну да, – пробормотал Мирингельм, очевидно, вспомнив свое основное ремесло, и потеревил подбородок. – Час поздний, вам, пожалуй, лучше поспать, милые дамы. А я за ночь подумаю, чем вам помочь.

Девушки снова переглянулись. И Катарина, и Лионелла начали сильно сомневаться в целесообразности своего визита на Чандайскую топь. Обоим совсем не так представлялся человек, сведущий в магии, и сейчас не очень-то верилось в его способности.

Тем не менее, обе действительно очень устали за день и сочли разумным воспользоваться предложением болотного чародея. Все так же мешая друг другу в одной связке, девушки кое-как устроились на широком ложе у стены. Мирингельм накрыл их грубым шерстяным одеялом, сам же погасил свечу и вышел на улицу. Попрепиравшись и потолкавшись, насколько позволяла усталость, девушки, наконец, уснули.

За ночь их наряды просохли, хоть и остались слегка влажными от утренней росы и на рассвете Катарина и Лионелла с наслаждением натянули на себя чистую одежду. Чародея нигде не было видно.

– А где этот полоумный? – пробормотала Катарина, оглядевшись. – Как думаешь, подруга, может нам быть от него хоть какой-то толк?

– Уже сомневаюсь, – ответила Лионелла. – Похоже, ему уже когда-то по ушам надавали и все мозги стрясли. К похищению он точно не причастен, это сразу ясно, но и помощи мы от него вряд ли дождемся.

Стоило лишь о нем вспомнить, как Мирингельм тут же появился из-за угла хижины. Сосредоточенно глядя себе под ноги, он что-то бормотал.

– Доброе утро, – хором поздоровались девушки.
– Ага, – рассеянно кивнул Мирингельм.
– Вы что-нибудь придумали? – поинтересовалась Катарина.
– Конечно. Всю ночь думал. Вот, послушайте:
Ночь тиха и темна, в небе звезды мерцают,
Над трясинной туманы встают.
Припозднившийся уж по траве проползает,
Очень к семье он спешит...

Катарина сжала голову руками и простонала. Несмотря на пренебрежение к урокам словесности и изящных манер, преподаваемым ей в стенах отцовского замка, все-таки, благодаря пристрастиям матушки, девушка достаточно хорошо была наслышана о произведениях известных поэтов, и нескладные стихи болотного чародея начинали действовать ей на нервы.

– Вообще-то мы хотели узнать о принце, – сказала Лионелла.
– А что случилось с принцем? – поинтересовался Мирингельм, чем вызвал немалое раздражение девушек, что, впрочем, обе постарались скрыть.
– Его похитили, – напомнила Катарина.
– В самом деле? – совершенно искренне удивился чародей.
– Да! – одновременно выкрикнули девушки, потеряв терпение.
– Ну да, ну да, – пробормотал Мирингельм, очевидно, вспомнив вчерашний разговор. – А что вы от меня хотите?

Катарина скрипнула зубами и покраснела от досады, Лионелла же махнула рукой и кивнула спутнице:

– Идем, подруга, поищем кого-нибудь другого. От этого никакого толку.

Катарина и сама уже утратила всякую надежду на помощь туповатого и забывчивого болотного мага-стихоплета, поэтому без возражений последовала было за цыганкой, но неожиданно Мирингельм спросил:

– Хотите, я покажу вам, где сейчас находится принц?
Обе одновременно обернулись.
– А вы можете? – с сомнением спросила Катарина.
– Конечно, – заверил колдун. – Это же проще простого. Только мне понадобится какая-нибудь вещь, принадлежавшая принцу.

Катарина растерянно посмотрела на свою спутницу. Лионелла самодовольно усмехнулась, полезла в свою котомку и извлекла на свет кружевной носовой платок.

– Что бы ты без меня делала, курносая? – торжествующе ухмыльнулась цыганка.
– Не задавайся, попрошайка, – буркнула Катарина, уязвленная собственной неадекватностью и предусмотрительностью соперницы.

Лионелла протянула платок чародею.

– Это подойдет?

– Вполне, – кивнул Мирингельм. – Идите сюда.

Он подвел девушек к самому краю болота. Осел тоже подошел ближе, словно заинтересовавшись всем происходящим. Мирингельм что-то пробормотал, водя руками над натянутой тиной поверхностью воды, затем вытащил из кармана щепоть какой-то сушеной травы, завернул в платок и бросил в воду.

– Смотрите.

Тина разошлась в стороны. Платок погрузился в воду, а на темной поверхности проступили смутные очертания чего-то труднораспознаваемого.

– Ну и что это такое? – недоуменно спросила Лионелла.

Мирингельм пожал плечами.

– А я откуда знаю? Сами смотрите.

Катарина махнула рукой и даже плюнула в сердцах.

– Из него такой же колдун, как из тебя гадалка. Только время зря потратили.

Ослик фыркнул, потянувшись мордой к воде. Проследив его движение, Лионелла остановила ворчавшую спутницу:

– Подожди-ка. Я что-то вижу.

Неясные силуэты в воде проступили четче.

– А я ничего не вижу, – проворчала Катарина. – Муть какая-то.

– Сама ты муть. Мало того, что конопатая, так еще и слепая.

– Я слепая?! Это у тебя в глазах все троеится, видишь непонятно что, мерещится тебе всякое.

– Дура белобрысая!

– Кобыла облезлая!

– Да тихо ты! Мешаешь только.

Катарина попробовала присмотреться так же внимательно, как и спутница, однако все равно ничего определенного так и не увидела.

– Хоть скажи, чего ты там видишь-то? – потребовала она от цыганки.

– Не разберу. Вроде башня какая-то. И корабль.

– Где корабль? – не поняла Катарина. – На башне?

– Ты совсем идиотка, что ли?! – возмутилась Лионелла. – Башня на берегу, а рядом корабль.

Образы, проявившиеся в воде, вдруг померкли и тина вновь затянула поверхность.

– Эй, это что такое?! – возмущенно воскликнула Лионелла и схватила чародея за плечо. – Немедленно верни назад! Я еще не все рассмотрела!

– Заклинание не вечно, – отозвался Мирингельм. – Но если у вас есть еще что-нибудь из вещей принца...

– Я что, целый сундук с его барахлом должна была притащить?! – совсем разозлилась цыганка.

Катарина хихикнула и язвительно произнесла:

– Я так понимаю, что время мы, все-таки, зря потратили. И платок принца ты напрасно утопила, все равно ничего в этой луже не увидела.

– Это ты ничего там не увидела, – злорадно отозвалась Лионелла. – А я-то теперь знаю, где искать принца. Уж не знаю, как ты самостоятельно его отыщешь?

– Что, и мне не скажешь? – опешила Катарина.

Теперь хихикнула Лионелла. Катарина нахмурилась, уязвленная явным превосходством соперницы.

– Так вот и пойдешь одна, пешком? – попробовала Катарина намекнуть на необходимость своего участия в поисках принца. – А вдруг, что-нибудь случится?

– Это только с тобой, курносая, постоянно что-нибудь случается. А пешком я не пойду. Сейчас мой новый друг наколдует мне какую-нибудь лошадь. Так ведь? – она взглянула на Мирингельма. – Хотя нет, не надо лошадь. Давай кого-нибудь с крыльями. Только чтоб меня выдержал.

Мирингельм оживился, словно уже не первый год ждал случая проявить свой магический талант. Радостно потирая руки, он заверил Лионеллу:

– Сейчас я сотворю вам сказочную птицу, которая домчит вас на край света! Только надо жезл взять!

С этими словами он, неуклюже переваливаясь, побежал к своей хижине.

Катарине не очень-то верилось в способности болотного мага, хоть он и явил уже одно небольшое чудо. Однако такое демонстративное пренебрежение к себе со стороны спутницы было просто оскорбительно. После всего, что было, ее просто бросают, как ненужную тряпку.

Окажись Катарина в более выигрышном положении, она непременно поступила бы точно так же, даже не задумываясь, но чувствовать себя проигравшей было обидно и унижительно.

– И ты вот так вот просто меня бросишь? – спросила Катарина, пытаясь придать лицу жалобное выражение, а в голос подпустить слезу.

– А ты что, родственница мне, что ли?! – пренебрежительно фыркнула Лионелла.

– Я же тебя из трясины вытащила! – возмущенно напомнила Катарина.

– Я тебя тоже, так что мы квиты. Не пытайся меня разжалобить, подруга, я тебе все равно не поверю, ты же врушка. Мы договаривались, что идем вместе только до болота, а потом каждая сама по себе, так что давай обойдемся без твоих лживых слез и долгих прощаний.

Между тем Мирингельм вернулся, держа серебряный жезл с хрустальным набалдашником, который смотрелся в руке увальня не менее нелепо, чем седло на спине ослика Катарина. Тем не менее болотный чародей действовал вполне уверенно, что, собственно, и настораживало. Эпоха магов и чародеев давно осталась в прошлом, ныне их место занимали фокусники и шарлатаны. Хоть Мирингельм и сумел показать в болотной воде что-то этакое, что, кстати, смогла увидеть лишь Лионелла, все-таки он больше был похож на какого-нибудь крестьянина или мельника и при взгляде на него возникало сильное сомнение: а своим ли делом занимается этот здоровяк?

Небрежно-привычным жестом Мирингельм воткнул жезл в землю, что-то побормотал, водя ладонями над хрустальным набалдашником, затем всплеснул руками и громко и торжественно произнес какое-то незнакомое девушкам слово. Над землей взвились клубы дыма. Лионелла вздрогнула, а Катарина едва не взвизгнула от неожиданности.

Когда дым рассеялся, взглядам предстала странная птица с длинными ногами, длинной шеей, куцым хвостом и маленькими крылышками. Катарина расхохоталась, Лионелла же разразилась бранью:

– Ты, придурок! – набросилась она на чародея. – Ты что наколдовал?! По-твоему это та самая птица, которая доставит меня на край света?! Да она же сама себя в воздух не поднимет!

– Кажется, не то заклинание, – произнес Мирингельм, без тени смущения.

– Давай переколдовывай! – потребовала цыганка, сердито косясь на хохочущую Катарину. – И побыстрее!

Странная чужеземная птица почему-то воспротивилась такому требованию. Стоило чародею протянуть к ней руки, птица издала пронзительный крик и стремительно помчалась прочь.

– Эй, куда?! – возмутилась Лионелла. – А ну вернись! Немедленно!

– Ну, что, слетала на край света? – с издевкой спросила Катарина. – С приездом.

Цыганка поджала губы и сердито топнула ногой.

– Ты лучше спросила бы, куда твой осел делся, – злорадно посоветовала она.

Катарина бросила взгляд по сторонам – ослика действительно нигде не было видно. Теперь и она набросилась на незадачливого чародея с бранью:

– Ты что натворил, недоумок?! Где мой зверь?!

– Ну, чтобы что-то появилось, надо, чтобы что-то исчезло, – пояснил Мирингельм, пожав плечами. – Это ж известное правило.

Катарина ахнула.

– Ты что, убил моего ослика?! Ты... Да ты просто живодер!

– Не волнуйтесь так, милая барышня, – успокоил чародей девушку. – С вашим осликом ничего плохого не случилось. Он просто переместился туда, где была эта большая птица.

– Тогда возвращай назад моего осла! – потребовала Катарина.

– Так для этого придется птицу назад вернуть, а она убежала. Я на расстоянии колдовать не могу.

– Да ты, похоже, вообще никак колдовать не можешь, – проворчала Лионелла. – Не мог вместо ослика лягушку с птицей местами поменять?

В этот момент ей даже стало немножко жалко соперницу, готовую расплакаться от досады. Да и ослика стоило пожалеть, такой смешной, но сообразительный был зверь.

– В самом деле? – пробормотал Мирингельм.

– Да! – раздраженно выкрикнули девушки обе разом.

Мирингельм задумчиво потерев подбородок и вдруг предложил:

– А хотите, я вам дракона сотворю? Настоящего!

Он даже потерял руки, словно вошел в раж и теперь ему не терпелось снова опробовать свое искусство на ком-нибудь.

– Только попробуй! – пригрозила Катарина и даже схватилась за шпагу для убедительности. – Лучше осла мне верни!

– Да пусть еще раз поколдует, – заступилась за чародея Лионелла. – Может, получится. А потом и осла найдем.

– Хочешь, чтобы он еще что-нибудь учудил?! Кого, интересно, с драконом местами поменяет? Тебя или меня? Я теперь понимаю, почему его все боятся, он же колдует как придется, заклинания путает, памяти совсем нет.

В этот раз Мирингельм, похоже, обиделся на такое недоверие. Пожав плечами, он насутился, как большой ребенок, и пробормотал:

– Не хотите, ну и не надо. Я ж помочь хотел...

Он весь сник, плечи его опустились, колдун тяжело и горестно вздохнул. Наверняка в этот момент в голове Мирингельма складывались драматические строчки очередного поэтического повествования о нелегкой судьбе непризнанного гения, но, к счастью для себя, он не стал их озвучивать.

– Возвращай осла назад! – потребовала Катарина, то краснея, то бледнея от злости. – Не стой столбом!

– Для этого придется сначала поймать птицу, – пробормотал Мирингельм.

– Ну так лови, не тяни время!

– Пойду соберу вещи. Мало ли, что может понадобиться в пути. Может быть, не один год проведем в поисках...

С этими словами Мирингельм направился к своей хижине.

– Какой год?! – вскричала Катарина. – Нет у меня года?!

– В самом деле? – слышалось в ответ.

На сей раз эти уже знакомые слова показались Катарине просто издевательством – она чуть не взвыла от досады, чем вызвала веселье соперницы.

– Ну, вы тут разбирайтесь, – сказала Лионелла, откровенно посмеиваясь, – а мне пора. Сама понимаешь, подруга, дела. Надо принца спасать, пока награда другому не досталась.

Катарине подумалось, что, может быть, ну его к дьяволу, этого осла, не такая уж и полезная животина. Сумеет ли она потом догнать соперницу, если сейчас потеряет из виду? Хотя...

– Смотри с пути не сбейся, когда через болото пойдешь, – посоветовала Катарина с издевкой. – А то споткнешься, кто тебя потом из трясины вылавливать будет?

Эти слова соперницы заставили Лионеллу вспомнить, что дорога через болото ей не известна. А ведь действительно, есть риск провалиться. Не то, чтобы цыганка испугалась, но стало как-то не по себе, ведь и в самом деле, случись что, и даже позвать на помощь некого. Вот курица конопатая, сумела-таки настроение испортить.

– Хотя, ладно, проводите меня немного, – с деланным безразличием произнесла Лионелла.

– Ах, что вы, что вы, баронесса, за что нам такая честь? – ухмыльнулась Катарина.

– О тебе беспокоюсь, курносая. Представляю, куда тебя заведет этот полудурок.

– Ну, конечно...

Появление чародея прервало их препирательства. Теперь Мирингельм точно стал похож на мельника: на плечи он накинул пестрый от заплаток кафтан, перетянутый в поясе веревкой, на голову нахлобучил бесформенную шапку, за спиной тащил большой мешок. Лишь огромная книга в подмышке и жезл в руке не сочетались с его внешним видом.

– Ну, пойдете, милые барышни, – произнес Мирингельм. – Нам в эту сторону.

– Ты уверен? – опасливо спросила Лионелла.

– Конечно. Я этой дорогой тыщу раз ходил. И птичка ваша туда побежала.

– Птичка эта твоя, а не наша, – сердито поправила чародея Катарина. – И ты ее должен найти.

– В самом деле? – уже привычно спросил Мирингельм.

– Да! – так же привычно хором ответили девушки.

Глава шестая

Лионелла шла по лесной тропе самой первой, то ли действительно распознавая следы чудо-птицы, то ли просто делая вид, что является опытным следопытом, во что Катарине верилось с большим трудом. Сама дворянка шла чуть позади, не желая разговаривать ни с цыганкой, втавившей ее в новую историю, ни с болотным чародеем, эту историю организовавшим. Последним шагал колдун, топая своими сапожищами так, что дрожала земля. Вряд ли, слышав этот звук, птица, которую они искали, просто позволила бы приблизиться к себе. Лионелла злилась и выходила из себя, но заставить Мирингельма топтать потише было невозможно.

Когда все трое выбрались из болота, Лионелла почему-то не покинула своих спутников. Впрочем, ее никто и не прогонял, хотя Катарина заподозрила соперницу в злом умысле – она просто не могла поверить, что вредная, на ее взгляд, цыганка способна предложить помощь просто из добрых побуждений.

Как бы то ни было, но все втроем пробирались через лесные заросли в поисках длинноногой птицы.

Неожиданно заросли впереди пришли в движение, ветви закачались, что-то ухнуло и Лионелла вдруг взлетела в воздух. Испугавшаяся в первое мгновение чуть не до визга Катарина отпрыгнула в сторону, но уже через пару секунд расхохоталась. Цыганка беспомощно висела в полутора метрах над землей, запутавшись ногами в веревочной петле.

– Чего ты ржешь, кобыла лохматая?! – оскорбилась Лионелла. – Сними меня отсюда!

– Дай-ка подумаю, – Катарина скрестила руки на груди, потом потерла кончиками пальцев подбородок. – У меня есть колдун, скоро будет осел, которого я смогу обменять на коня... А зачем мне ты?

– Своего облезлого осла ты сможешь обменять только на метлу, ведьма белобрысая, – отозвалась Лионелла. – Между прочим, я одна знаю, где держат принца!

– Вот скажешь, где его держат, тогда я, может быть, и подумаю, помочь ли тебе...

– Ну ты и зараза! – возмутилась цыганка. – Прекрати кривляться, сними меня отсюда!

Она потянулась к Катарине, попытавшись ухватить соперницу за камзол. Катарина поспешно отступила и... Слышанные чуть ранее звуки повторились, земля ушла из под ног девушки, в глазах все перевернулось и в следующий миг Катарина оказалась точно в таком же положении, как и Лионелла.

– Ну, что, довыдывалась, дура конопатая?! – воскликнула цыганка.

– Сама ты коза облезлая! – огрызнулась Катарина.

– Курица безмозглая!

– А ты просто дура!

Несмотря на нелепое положение, в котором оказались, обе потянулись друг к другу, явно собираясь сцепиться и как следует друг друга поколотить. От неминуемой потасовки их удержал недоуменный вопрос:

– Что это вы делаете, милые барышни?

Девушки повернули головы. Из перевернутого вверх тормашками мира выплыло широкое добродушное лицо Мирингельма. В своей перебранке соперницы даже забыли о третьем своем спутнике.

– Ты где был? – сердито спросила Лионелла.

Мирингельм пожал плечами.

– За вами шел. Вы так быстро умчались. А я любовался лесом. Знаете, барышни, я ведь так давно не покидал болото, а здесь столько всего интересного вокруг. Даже сами собой такие строки навеялись:

Кривая ель стыдливо прикрывает

Ветвями кривоту свою,
Пчела лесная мимо пролетает...

Мирингельм запнулся, Катарина со вздохом продолжила за него:

– Наверное, тоже к семье спешит, как и тот ужик.

– Ну да, ну да, – согласился чародей.

– А можно пока повременить со стихами? – язвительно поинтересовалась Лионелла. – Если ты еще не заметил, нам не помешала бы помощь.

– В самом деле? – удивленно переспросил Мирингельм, чем окончательно вывел девушек из себя.

– Да! – выкрикнули обе хором так, что чародей испуганно отступил назад.

– Ну, хорошо, сейчас найду подходящее заклинание...

Мирингельм раскрыл свою книгу и начал неторопливо перелистывать страницы.

– Да к дьяволу твои заклинания! – крикнула Лионелла. – Просто отвяжи веревку и спусти меня на землю!

– Нас! – сердито поправила Катарина.

– Ну, да, – нехотя подтвердила цыганка. – Нас.

Мирингельм захлопнул свою книгу, однако больше для спасения своих спутниц ничего предпринять не успел – из зарослей показались трое человек, по виду крестьян, с вилами и рогатинами.

– Вы чего тут безобразничаете?! – с негодованием воскликнул один из них.

– Ничего себе! – возмутилась Катарина. – Мы же еще и виноваты!

– Проклятие! – вскричала Лионелла. – Нас, в конце концов, хоть кто-нибудь опустит на землю или нет?!

Крестьяне быстро отвязали веревки и опустили жертвы своих ловушек на землю. Один из них услужливо подал Катарине шляпу, другой помог Лионелле отряхнуться, третий виновато произнес:

– Извиняйте, барышни, не на вас силки ставили.

– Еще бы вы на дворянок охотились, – проворчала Катарина. – Все бы тогда на каторгу отправились.

– Кого вы тут ловите? – поинтересовалась Лионелла. – Вооружились, как будто вас на войну призвали.

Один из крестьян опасливо оглянулся по сторонам и сообщил, понизив голос:

– Страшное чудище появилось в округе.

– Чудовище?! – восторженно вскрикнула Катарина.

– Именно чудовище, барышня, – подтвердил другой крестьянин. – Не далее как сегодня утром появилось. Такого страшилища еще никому видеть не доводилось. Настоящий куро-зверь!

– Курозверь? – недоуменно переспросила Лионелла. – Что за небылицы?

– Это не небылица, госпожа, а самая настоящая быль, – вступил в разговор третий крестьянин. – Его все видели. Он выше самого высокого человека, шея длинная, глаза горят, а зубищи вот такие!

Крестьянин руками показал, какого размера зубы у чудовища. Судя по его показаниям, куро-зверь должен был быть покрупнее взрослого медведя.

– Крик такой противный, – продолжали крестьяне описывать неведомое чудище. – Огороды разоряет, двух собак поклевал, племенного быка лягнул так, что еле откачали.

Девушки переглянулись.

– Кого-то мне это напоминает, – пробормотала Лионелла.

– Ага, – согласилась Катарина. – Только лично я у этого куро-зверя зубов что-то не видела. А ты что думаешь? – спросила она Мирингельма.

– Я еще не придумал, – отозвался чародей. – Но, скорее всего, назову это одой крестьянскому мужеству, вступившему в смертельный поединок с коварным лесным чудищем...

– Да при чем тут твои стихи?! – рассердилась Катарина. – Ты про куро зверя скажи. Это ведь та самая птица, которую... Ну, ты понимаешь...

– В самом деле?

– Да!

Мирингельм поскреб свой голый подбородок, задумчиво хмыкнул и произнес:

– Тогда надо ее изловить.

– Это уж точно, – кивнула Лионелла. – Представляешь, подруга, какой тут переполох поднимется, если наша птичка еще в пару деревень заглянет?

– Да уж, – согласилась Катарина. – Если они уже сейчас вооружились как на войну...

Крестьяне недоумевающе взглянули друг на друга.

– Хватит глазами хлопать, – обратилась к ним Лионелла. – Будем ловить вашего куро зверя. Я буду вашим командиром.

– А кто это тебя назначил главной?! – тут же возмутилась Катарина.

– А ты против? – с вызовом поинтересовалась цыганка.

– Еще как против!

– Барышни, не ссорьтесь, – мягко попросил Мирингельм.

Вряд ли его просьба могла бы удержать темпераментных соперниц от очередной потасовки, пусть даже на глазах у простых сельских мужиков, но в этот момент издали послышался резкий крик, затем раздался шум, какой-то металлический грохот. Вершиной какофонии стал душераздирающий визг.

– Что это? – насторожилась Катарина.

– Оно, – прошептал один из крестьян, побледнев. – Чудище!

– Загонщики его подняли, прямо на нас гонят, – добавил другой.

– А у нас ловушки-то не готовы, – обескуражено пробормотал третий.

– Ничего, справимся и так! – самоуверенно заявила Лионелла. – Вперед, я верю в вас, храбрые парни!

Однако «храбрые парни» почему-то сломя голову бросились прочь, побросав все свое вооружение.

– Ну и трусы же это мужичье! – насмешливо фыркнула Катарина. – Надо же так простой птицы испугаться.

– Просто они в жизни своей крупнее индюка ничего в перьях не видели, – попыталась Лионелла оправдать бегство крестьян.

– Ну и как будем ловить, нашу птичку? – поинтересовалась Катарина.

Обе почему-то одновременно посмотрели на Мирингельма. Заметив на себе их взгляды, чародей предложил было:

– А хотите, я вам наколдую?..

– Нет! – воскликнули девушки хором, не дослушав.

– Уж лучше я сама нашу птицу заарканю, – решила цыганка.

Взяв веревку, оставленную бежавшими крестьянами, она принялась сматывать ее кольцами.

– А ты сможешь? – усомнилась Катарина.

– Не смей меня, подруга! – фыркнула Лионелла. – Я же в таборе родилась! Коней ловила, а уж этого-то длинноногого с перьями раз плюнуть.

– Ну-ну, – недоверчиво пробормотала Катарина.

Лионелла сунула ей в руки конец веревки.

– Привяжи к дереву, а то так мы нашу птичку не удержим, больно уж здоровая. Поторопись, подруга!

Шум и в самом деле стремительно приближался. Едва Катарина подбежала к ближайшему дереву из зарослей с диким визгом вырвался огромный... кабан. Секач промчался мимо Мирингельма, чуть не сбив чародея с ног, и устремился прямо к Лионелле. Цыганка испуганно вскрикнула и отскочила в сторону, при этом швырнув свернутую кольцами веревку в кабана. Вряд ли цыганка предполагала такой результат, но случайный бросок оказался весьма удачным – петля затянулась на шее животного. Возмущенно всхрюкнув, кабан помчался дальше. Вербка натянулась и следом за кабаном по земле с визгом протащилась Катарина. Так и не успев привязать конец к дереву, девушка запуталась ногами в веревочных петлях и теперь вслед за лесным обитателем повторяла весь его путь через кустарники.

– Мне кажется, это не совсем тот, кого мы ожидали, – рассеянно заметил Мирингельм.

От него никаких решительных мер явно ждать не приходилось. Не тратя времени на бесполезные разговоры, Лионелла бросилась было вдогонку за кабаном и своей спутницей, но вдруг сама оказалась в ловушке, одной из тех, что расставили крестьяне, охотившиеся на куро-зверя. Цыганку подхватила широкая сеть и подняла над землей. Мирингельм удивленно захлопал глазами. Не надеясь на его помощь, цыганка выхватила из-за голенища нож и принялась резать сеть. Увлеченная своим занятием она даже не заметила как из тех же самых зарослей, откуда недавно выбежал кабан, появилась огромная птица. Длинноногое пернатое существо перепрыгнуло через Мирингельма и гигантскими прыжками помчалось дальше, на краткий миг оказавшись прямо под Лионеллой. Однако этого мига вполне хватило, чтобы вывалившаяся из распоротой сети цыганка оказалась на спине птицы. Взвизгнув от страха, Лионелла обхватила шею куро-зверя. Птица издала пронзительный крик, то ли от возмущения, то ли тоже от испуга, и помчалась дальше, не сбавляя шаг.

– Как все неожиданно, – пробормотал Мирингельм, с недоумением проводив взглядом своих спутниц, исчезнувших в дебрях.

Все из тех же зарослей появились несколько крестьян с вилами, топорами, рогатинами. Многие держали в руках трещотки, колотушки и медные тарелки, которыми и создавали жуткие звуки, переполошившие весь лес.

– Доброго вам здоровья, – поприветствовал их Мирингельм, приподняв свою шапку.

Крестьяне тупо уставились на здоровенного незнакомца. Кажется, они еще не успели встретиться со своими товарищами, столь храбро и поспешно оставившими свой пост, и меньше всего ожидали увидеть в глухом лесу огромного человека с детской наивной физиономией.

Скоро их удивление еще более возросло, когда на тропинке показался кабан-секач. Петля по одним ему ведомым тропкам, кабан описал круг и снова выскочил на то самое место, где петля Лионеллы так ловко схватила его за шею. Животное уже изрядно притомилось и не издавало никаких звуков, кроме тяжелого пыхтения, зато Катарина, по-прежнему привязанная к нему все той же веревкой, вопила во все горло, проклиная свою вороватую спутницу, этот лес, этого проклятого кабана, и все это ваше трижды... благословенное королевство.

Кабан устремился прямо к людям, волоча за собой девушку. Крестьяне вскинули свое оружие, готовясь дать отпор могучему лесному зверю. Впрочем, к настоящему моменту этот могучий зверь уже окончательно выдохся и, из последних сил дотянув до Мирингельма, рухнул к ногам чародея.

Катарина выплюнула шишку и со злостью пробормотала:

– Ненавижу этот лес.

Крестьяне облегченно вздохнули, однако радость их длилась недолго. Через мгновение раздался дикий вопль и на тропу выскочила огромная птица, на спине которой восседало нечто исцарапанное с разлохмаченной гривой. Даже Мирингельм с трудом узнал в странной наезднице юную цыганку.

– Чудище! – в один голос завопили крестьяне. – Бей чудище!

– Я вам сейчас такое бей покажу! – пригрозила Лионелла. – Только попробуйте! Для острастки девушка щелкнула кнутом. Крестьяне переглянулись и снова завопили: – Ведьма! Бей ведьму!

Катарина вскочила на ноги и схватилась за шпагу. Взглянув на чародея, она сердито поинтересовалась:

– Так и будешь стоять столбом?!

На удивление, в этот раз Мирингельма не пришлось долго упрашивать. Широкоплечий великан шагнул вперед, сразу отгородив своей внушительной массой девушек от крестьян, готовых поднять незнакомок на вилы.

– Уважаемые, мне кажется, вы несколько торопитесь с выводами, – мягко заметил он.

– Ты сам-то кто такой? – недоуменно спросил один из крестьян.

Маг пожал плечами и представился:

– Мирингельм...

Крестьяне сразу отшатнулись прочь. Один из них с ужасом воскликнул:

– Ты чародей с Чандайской топи?!

– Ну да, – подтвердил Мирингельм.

Больше он ничего не успел сказать. Забыв о чудище, на которое охотились, и о странных ведьмах, крестьяне поспешно бросились бежать прочь.

– А ты популярен в этих краях, – хихикнула Лионелла.

Взглянув на Катарину, цыганка откровенно расхохоталась:

– Ну ты и пугало!

После короткого путешествия на пузе через кустарники одежда юной дворянки растрепалась, в спутанных волосах торчали ветки и пучки травы, лицо покрылось мелкими царапинами, а веснушчатый нос почернел, словно девушка пахала им землю.

– Ты на себя-то посмотри! – обиженно огрызнулась Катарина.

В самом деле, цыганка выглядела ничуть не лучше: была такая же исцарапанная и растрепанная. Глядя на нее, Катарина не могла долго обижаться и тоже расхохоталась. Мирингельм недоуменно переводил взгляд с одной на другую, вызывая у юных спутниц лишь новый приступ хохота.

Вдоволь насмеявшись, Катарина внимательней присмотрелась к птице, на которой по-прежнему восседала Лионелла. Странное пернатое существо уже заметно успокоилось, хоть и нервно крутило головой, с настороженностью поглядывая на людей. С удивлением юная дворянка заметила уздечку на голове птицы, на спине же подпругами крепилось седло, в котором и восседала цыганка.

– Когда ты успела его оседлать?! – изумилась Катарина.

– Ты головой ударилась, что ли? – отозвалась цыганка. – Он уже был под седлом, когда ее наколдовал этот... – она кивком указала на Мирингельма. – Надо было смотреть лучше.

– Не выделяйся! – огрызнулась Катарина. – Ты ведь тоже сразу ничего не заметила.

– Ну ладно, – неожиданно быстро смирилась Лионелла.

Она спустилась на землю и погладила своего необычного скакуна.

– Наверное, там, откуда его вытащил наш приятель, на этих птицах ездят, – предположила цыганка.

– Наверное, – согласилась Катарина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.